

18+

МИХАИЛ ЧЕРНОВ

**АННА ПРИСМОТРИТ
ЗА НИМ**

Михаил Чернов

Анна присмотрит за ним

<https://litres.ru/74143529>

ISBN 9785006983816

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Поездка в Москву обернулась для Анны сущим кошмаром: автобус попал в аварию. Девушка очнулась в лесу, не понимая, как она здесь очутилась. Вместе с уцелевшими пассажирами Анна пыталась выбраться из чащи, но вместо этого они наткнулись на заброшенную деревню.

Роман медленно погрузит читателя в мир, где реальность функционирует по законам сновидений. Место, где нарушена логика и не существует время, а границы между сном и реальностью настолько размыты, что кажется, будто их просто не существует.

Содержание

Пролог	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	10
Глава 2	24
Глава 3	34
Глава 4	41
Глава 5	48
Глава 6	55
Глава 7	74
Глава 8	86
Глава 9	98
Глава 10	105
Глава 11	109
Глава 12	124
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Анна присмотрит за ним

Михаил Чернов

© Михаил Чернов, 2026

ISBN 978-5-0069-8381-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В скорби жгучей о потере я захлопнул плотно двери

И услышал стук такой же, но отчетливей того.

«Это тот же стук недавний, — я сказал, — в окно за ставней,

Ветер воеет неспроста в ней у окошка моего,

Это ветер стукнул ставней у окошка моего, —

Ветер — больше ничего».

Эдгар Аллан По, «Ворон» (Перевод М. Зенкевича)

Пролог

Она почувствовала легкое прикосновение к своему плечу и поморщилась. Среди мелькавших во сне обрывков воспоминаний возник неприятный образ высокого человека, неподвижно стоявшего посреди комнаты старого дома. В тусклом свете луны неясная фигура то появлялась, выныривая из полумрака, то исчезала. И человек непрерывно бормотал. Он разговаривал сам с собой, яростно жестикулировал, а затем замирал на несколько секунд и, казалось, прислушивался к звукам приближающегося ненастья. Внезапно он стремительно пересек комнату, шлепая босыми ступнями по деревянному полу, и остановился возле запертой двери.

Девушка шевельнулась, почувствовав движение холодного воздуха, повернулась на бок и поискала рукой одеяло. Услышала шорох одежды и вопрошающий шепот, переходящий в причитания.

Он один? Он точно здесь один?

Голос тонул в звуках усиливающегося ветра. Незнакомец несколько раз дернул за ручку двери, а потом заплакал, тоскливо и жутко, продолжая что-то говорить сквозь слезы. Едва различимый шепот, похожий на шорох сухой листвы, гонимой холодным осенним ветром по тротуару, становился громче. Вторгшееся в сознание спящей девушки видение рассыпалось, но всхлипывания и причитания никуда не

делись. Пугающие звуки полностью заполнили помещение, стали громче, и девушке показалось, что кто-то склонился над ней и назвал ее по имени. Она вздрогнула... и проснулась, не до конца понимая, где находится, замерла и задержала дыхание, услышав тихий скрип возле входной двери. Резко открыла глаза, зрачки расширились, и воздух с шумом вышел из легких, окутав облачком пара окаменевшее лицо.

Посторонние звуки затихли в тот самый момент, когда она очнулась, словно за ней следили. Заперла ли она дверь? Эта мысль показалась ей абсурдной, она помнила, как выкурила перед сном на крыльце сигарету, затем зашла в дом и закрыла за собой дверь. С лязгом задвинула металлический засов и накинула крючок на петлю, а после проверила все ставни. В маленькой комнате старого дома, кроме нее и спавшего рядом ребенка, никого не было и быть не могло.

И все же она чувствовала присутствие того, кто бродил в ее сне по дому. Анна потянулась к занавеси и тут же отдернула руку обратно. *Что я буду делать, если за ней кто-то стоит?* Заглушив внутренний голос, она решилась и медленно потянула грубую ткань на себя, занавеска, цепляясь за узелки, поползла по веревке, пока полностью не открыла взору комнату. В темноте едва различимо виднелись контуры окон, лунный свет пробивался сквозь щели разошедшихся ставен, рассекая тонкими призрачными полосками доски пола. Вновь появился неприятный запах, сырой и затхлый. Так пахнет в старых подвалах и в заброшенных домах, где

сквозь разрушенный потолок во время дождя просачивается влага, а на исписанной ругательствами стене под отклеивающимися обоями растет черная плесень.

С восходом солнца вонь исчезнет. Она всегда пропадала на рассвете, несмотря на то, что окна и дверь оставались запертыми.

Видения, возникающие у меня в голове, создают запахи? И не только запахи, Анна, но и звуки. Ты уверена, что они существуют лишь в твоём воображении?

Она ни в чем не была уверена. Ни в реальном существовании ночного гостя, ни в том, что не сходит с ума. Анна натянула одеяло на ноги, продолжая внимательно прислушиваться. Судорожный вдох, другой, она старалась унять дрожь в руках и успокоить дыхание, и постепенно ей удалось это сделать. Только сердце продолжало нервно биться, отдаваясь в ушах глухими ударами. Она проверила время, часы показывали половину третьего. Положив старую отцовскую «электронику» на полку, где лежали сигареты и перочинный нож, она накрыла своей толстовкой свернувшегося в калачик у стены ребенка. Сидя на краю печи, девушка держала руку на плече мальчика, словно хотела предупредить его крик, если тот вдруг проснется.

Это у меня в голове, в комнате, кроме нас, никого нет. Она ущипнула себя на всякий случай и не проснулась, на что очень надеялась. Осторожно спустилась с печи и на цыпочках прокралась к двери, выставив перед собой руку, чтобы

ненароком не удариться лбом о стену. Проверая, на месте ли находится засов, она случайно задела рукой металлический крючок и прикусила от испуга губу, уж очень громко тот звякнул, выскочив из кольца пробоя. Дрожащей рукой Анна на ощупь нашла его и вставила на место. Из-под двери тянуло холодом, словно на улице наступила зима. *Разве температура за ночь могла опуститься так быстро?* Днем нещадно палило солнце, воздух казался мутным, как застоившаяся прудовая вода, и вечером в запертом доме нечем было дышать. Засыпая, она раскрылась и сбила ногами одеяло в ком, но сейчас ее трясло от холода. Анна поджала пальцы на ногах и обхватила себя руками, пытаясь таким образом согреться.

Тяжело зашумели деревья возле дома, ветви разросшейся у окон бузины скребли по запертым ставням. По крыше застучали первые капли дождя, стремительно несущиеся по небу рваные тучи окончательно скрыли луну, и комната погрузилась в непроглядную тьму. Анна вернулась, по приступке забралась на печь и легла, укрывшись одеялом. Обнимая ребенка, она продолжала внимательно прислушиваться. Если бы кто-то стоял возле двери, Анна наверняка почувствовала присутствие постороннего, а умудрись он каким-то образом пробраться внутрь дома, она бы уже не проснулась. *Это просто кошмар, Анна, успокаивала она себя, тебе приснилось, вот и все.* Глубоко вдохнула, медленно выдохнула. Больше всего сейчас ей хотелось, чтобы как можно скорее

наступило утро. Но почему же так холодно? Она укуталась шерстяным одеялом по самый подбородок, но согреться никак не могла.

Под монотонный шум дождя уже на рассвете она задремала. Тревожные мысли отдалялись, становились зыбкими, неуловимыми, мысль терялась, вновь обретала ясность, чтобы затем — спустя миг — опять ускользнуть и раствориться в мире сновидений. Девушка засыпала. Ей снился автобус, заросли папоротника и густые, темно-зеленые ели, обступающие ее со всех сторон. Голова шла кругом от дурманящего аромата кипрея. Кто-то стонал, плакал ребенок, слышался треск ломающихся сучьев, будто через густой подлесок продирался большой зверь. Анну пугала мысль, что их могут услышать, и она металась по поляне, пытаясь найти в густых зарослях травы плачущего ребенка, чтобы успокоить его и спрятать, но звук дробился, исчезал и возникал совсем в другом месте. Девушка на секунду замешкалась... и очнулась, с облегчением вспомнив, что она находится в доме, а ребенок крепко спит рядом с ней.

Ему часто снились кошмары, он просыпался и начинал кричать. Или ночь была очень душная, оглушительно грозовая, и малыш никак не мог уснуть. Он плакал во сне или наяву, во сне... во сне... Анна подтянула колени к животу, как в детстве спрятала ладони между бедер и медленно погрузилась в сон. И вновь оказалась на лесной поляне возле лежащего на боку маршрутного автобуса. Там, где все началось.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Жар от груди медленно растекался по телу, боль яркими вспышками пульсировала в мокрых от пота висках. В глазах двоилось, окружающие предметы расплывались и казались нереальными. Девушка шевельнула головой, с лица и волос посыпались осколки, она зажмурилась и скривилась от боли, подалась вперед, уцепившись пальцами за обшивку кресла, но рука сорвалась. Внезапно она сделалась влажной от выступившего пота и какой-то ватной, будто чужой. Анне пришлось мысленно приказать своей руке, чтобы та крепко ухватилась за спинку сиденья, и девушка внимательно следила, как ее пальцы сжались вокруг шершавого пластика, медленно потянули за собой, поднимая ее как тряпичную куклу с разбитых окон, сквозь которые торчала трава. Поднявшись, она осмотрелась. Левая рука повисла плетью, кровь стекала по тонким пальцам и капала на плюшевого медвежонка, валявшегося под ногами среди осколков стекла. На его мохнатой, заляпанной кровью мордочке, блестели черные глазки-бусинки, и Анне на миг показалось, что мягкая игрушка с любопытством за ней наблюдает. Девушка качнулась и чуть не упала, в последний момент успела ухватиться за поручень. В разбитом лобовом стекле мелькнула чья-то

фигура, постанывая, человек прошагал рядом с маршруткой и, судя по звукам, запнулся и упал. Анна потерла онемевшую руку, смазала рукавом толстовки сочившуюся из царапины на тыльной стороне ладони кровь и искала взглядом свой рюкзак.

Я что, попала в аварию?!

Мысль мелькнула и пропала, оставив после себя неприятный привкус во рту. Последнее, что она помнила — это ливень, обрушившийся на дорогу. Окна превратились в водопад, над их головами тяжело и оглушительно рокотал гром. Ругаясь, водитель маршрутного автобуса снизил скорость, а затем — ощущение падения и темнота. Проведя рукой по карману джинсов, Анна замерла, пытаясь собраться с мыслями. Она о чем-то забыла. Огляделась, медленно, будто во сне, убрала пятерней упавшие на лицо волосы, прошла по хрустящему под ногами битому стеклу к аварийному выходу и попыталась наклониться, чтобы выбраться наружу, но, охнув, схватилась рукой за живот, низ которого внезапно взорвался острой болью, словно в него воткнули разом сотни маленьких и тонких раскаленных иголок. Стоя на коленях, она несколько секунд собиралась с силами, чтобы не провалиться в небытие, то самое, поглотившее ее в момент аварии, а затем начала медленно считать.

Сосчитай до десяти.

Распухшие губы шептали магическое заклинание. Анна закончила считать, сделала глубокий вдох и открыла глаза.

Тишина. Ее поразила внезапно свалившаяся на нее мягкая, безмятежная тишина. Едва заметно покачивались темно-зеленые ветки папоротника, такого высокого она ни разу в жизни не видела. Перед глазами все плыло, девушка сидела на полу, опираясь на руки, и смотрела через окно на поляну и лес. Черда картинок и ощущения запомнились, отпечатались в памяти желтоватым дагеротипом в паутине тонких трещинок. После аварии они преследовали девушку в снах, она часто просыпалась, пытаясь понять, где она и что произошло. Это больше всего запомнилось ей в первые мгновения после аварии: папоротник, тишина и боль, причем последнее продолжало напоминать о себе еще долгое время и в самый неподходящий момент. Густые заросли папоротника, душистые розовые цветы на поляне, тишина и боль, тишина и плач.

Странная глухота прошла так же внезапно, как и появилась. Звуки настигли ее и сбили с ног, словно приливная волна. В вакуум со свистом проник воздух, вокруг все зашумело, заскрежетало. В легкий шелест листьев ворвался детский крик. Кто-то стонал, слышались ругань и грохот. С треском сломалась большая ветвь березы и упала на автобус, разбив уцелевшие стекла и погнув металл, водительская дверь с грохотом захлопнулась. На четвереньках выползая через заднюю дверь, Анна почувствовала укол в левой ладони и отдернула руку — из мякоти торчал тонкий осколок. Она вытащила стекляшку, с отвращением отбросила ее в сторону и

поморщилась от боли. Оглушенная и дезориентированная, девушка сделала очередную попытку подняться на ноги, но у нее не хватило сил. Покачнувшись, она плюхнулась в густой кустарник и увидела над собой небо, расчерченное ветвями деревьев.

Откуда на дороге деревья? Девушка спросила мысленно себя или кого-то еще, она сама в тот момент не понимала, а затем медленно поднялась и оперлась о крышу автобуса. Она пыталась заставить себя сфокусироваться на чем-то конкретном, но сознание плыло и вместе с ним отказывалось работать тело. Ноги не слушались, девушка не могла сделать ни единого шага. С недоумением посмотрев вниз, она впала в ступор, пытаясь понять, почему ее не слушается собственное тело, и лишь надрывный крик ребенка привел ее в себя. Анна осторожно сделала шаг, другой, как человек, восстанавливающий моторные функции организма после перенесенной операции на позвоночнике, и вышла из-под деревьев на небольшую поляну, освещенную закатным солнцем.

Неподалеку в густой траве лежал на спине мужчина. Он тяжело дышал, грудь практически не двигалась, зато живот вздымался так сильно, что казалось еще немного, и пуговицы на рубашке отлетят в разные стороны. Анна в очередной раз закрыла глаза и глубоко вдохнула воздух, пропитанный парами бензина. Разум твердил, что все это происходит не с ней, что это — очередной кошмар в ее личную коллекцию, и вскоре она проснется с криком в своей постели на смятой

и мокрой простыне, до смерти напугав маму. И до самого рассвета не сомкнет глаз, снова и снова переживая моменты кошмарного сна. Разбитая, с головной болью, она будет сидеть на кухне, держа в руках кружку с остывшим кофе, пытаясь переварить приснившееся.

Мужчина — это был водитель — надсадно кашлял и пытался сесть, редкие волосы на голове слиплись от крови, Анна сделала пару шагов к нему, в растерянности остановилась — всего лишь на мгновение — и двинулась дальше, но запуталась ногами в густой лесной траве и чуть не грохнулась. Продолжал кричать ребенок, его плач всколыхнул в душе тревогу, что-то древнее, материнское, но сейчас все ее внимание приковывал к себе водитель. Анна медленно, стараясь не смотреть на свою окровавленную руку, приблизилась к мужчине, шатаясь, будто пьяная, села возле него — скорее не села даже, а упала — и попыталась рукой приподнять ему голову. Подсунула ладонь под затылок, голова водителя при этом безвольно и жутко дернулась, и ей пришлось прикусить губу, и без того болевшую, чтобы не закричать. Потянулась свободной рукой и схватила валяющуюся рядом кепку, подложила ее раненому под голову, не понимая, зачем она это делает. Рукой ощутила что-то горячее и липкое, в нос ударил ядреный запах пота, потревоженной лесной травы и крови, который, единожды услышав, при желании после ни с чем не спутать. Девушку замутило, она потрясла головой, отгоняя тошноту, но медленно, словно воздух в окружающем ее

пространстве загустил настолько, что им даже дышать было сложно. Смутно осознавая, что ей необходимо что-то делать до приезда врачей, она посмотрела мужчине в глаза и очень тихо произнесла:

— Помощь уже близко, потерпите...

И сразу усомнилась в том, что раненый водитель ее услышал. В его глазах она увидела боль, какую может испытывать человек, навсегда покидающий этот мир. Страх попеременно с тоской и обидой. В голове девушки появилась навязчивая мысль, что мужчине срочно нужна вода. В первую очередь следует расстегнуть пуговицы рубашки и дать попить. Пострадавшему нужен доступ к воздуху, разойдитесь в стороны, ему нечем дышать!.. Снова раздался плач малыша, Анна украдкой, боясь, что увидит там нечто страшное, взглянула в ту сторону, откуда доносились всхлипы, и увидела распростертое на земле женское тело с неуклюже вывернутой ногой и неприлично задранной до пояса зеленой в горошек юбкой, будто женщину волокли за ноги, прежде чем бросили умирать на поляне среди зарослей кипрея. Мальчик сидел рядом с ней и плакал.

Анна попыталась подняться на ноги, но ее повело в сторону, и она снова плюхнулась рядом с водителем. Тот что-то прохрипел, скосив глаза влево, и Анна невольно проследила за его взглядом. Там ничего не было — сплошная густая стена леса, — но она могла поклясться, что он кого-то видел там, и этот некто наводил на него ужас одним своим молча-

ливым присутствием. Дрожащей, испачканной в крови ладонью Анна погладила руку мужчины. Так гладят ребенка, когда хотят успокоить, или замерзшего котенка, подобранного на остановке в ненастный октябрьский вечер. Она вложила свою ручку в громадную ладонь водителя и слегка сжала ее.

— Что... случилось? — блуждающий взгляд его метался из стороны в сторону, пока не нашел Анну и не остановился. — Где мы?

— Мы попали в аварию, — Анна всхлипнула, подседа ближе и осмотрелась, желая еще раз убедиться в том, что ей не привиделось. — И мы... в лесу.

Водитель зашелся в судорожном кашле и отпустил ее руку. Позади себя Анна услышала чьи-то шаги, оглянулась и увидела мужчину. Он стоял, держась за плечо, и смотрел на них. Бросил взгляд на плачущего малыша и тут же направился к нему. Опустился на колени, приложил пальцы к шее женщины, пробормотал что-то невнятное и с трудом поднялся на ноги. *Это же он тормознул автобус на перекрестке*, подумала Анна и вспомнила, как мужчина благодарил водителя, усаживаясь на свободное сиденье рядом с входом.

Именно сейчас и должна была появиться машина скорой помощи, осветив неподвижные ели тревожным проблеском маячков. Врач с тяжелой сумкой, фельдшер с носилками, которые помогли бы им, спасли раненых. Анна даже привстала на коленях, надеясь увидеть машину, выезжающую из-за деревьев, или людей, но там никого не было. Пахло гарью,

к небу от автобуса поднимался черный дым. В глазах рябило от колышущихся под легким и теплым ветерком розовых цветов.

По телу пожилого мужчины пробежала судорога, он выгнулся, стиснул что есть силы зубы, и Анна увидела кровь с грязью на его зубах. Он пытался вдохнуть, но кашель мешал ему это сделать. Грубые руки, густо поросшие темными волосами, судорожно задвигались, словно искали что-то на земле. Он то напрягал мышцы, то расслаблял. Скрюченные пальцы рвали с корнями густую траву, сминали с хрустом еловые сухие ветки. Анна с ужасом поняла, что, если бы продолжала держать его за руку, он наверняка сломал бы ей пальцы. Грудь несчастного затряслась, затылком он упирался в почву и пытался — именно пытался — отползти куда-то. Суча ногами, выгибаясь дугой, человек хрипел, чувствуя, а возможно, видя приближение смерти. Некогда сильное и крепкое тело из последних сил цеплялось за жизнь, мозг продолжал посылать импульсы: дыши, дыши, двигайся!.. И он повиновался, пытаясь вдохнуть воздух, пока оставались силы. Анна поднесла руку ко рту и отвернулась, чтобы подавить рвавшийся изнутри крик, увидела свою окровавленную кисть, порезанную стеклом. Раздался громкий хрип и бульканье, ноги водителя вытянулись так сильно, что носки поношенных кроссовок достали земли, по телу пробежала мелкая дрожь, а затем он весь разом обмяк и больше уже не двигался.

Анна отползла от водителя к автобусу и с трудом поднялась, вытирая слезы. Спотыкаясь, направилась в лес, чувствуя, что ее сейчас вырвет.

— Мы ему ничем не с-смогли бы п-помочь, — сильно заикаясь пробормотал парень с белым как мел лицом. Он сидел, привалившись спиной к днищу автобуса. — Ах ты, ч-ч-черт, больно-то как!

Он прижимал рукой к голове какую-то тряпку, пропитанную кровью, и смотрел на умершего водителя. Анна, не обращая на него внимания, отбежала в сторону кустов, где ее и стошнило. Упав на колени, она выплевывала вязкую желчь и пыталась отдышаться, а перед глазами все плыло. Наконец головокружение немного прошло, она вытерла рукой рот, поднялась с колен, но перед глазами возникло лицо водителя, и девушка вновь согнулась, исторгая из себя образ умершего у нее на глазах человека. Слыша позади себя плач ребенка, она поднялась, на дрожащих ногах дошла до автобуса, прижалась к решетке радиатора и закрыла глаза, пытаясь таким образом остановить вращающийся мир.

— ... с ним, — донесся до нее обрывок фразы.

— Что? — спросила Анна и повернулась на звук голоса.

— Посмотри, что с ребенком, — махнул рукой в сторону поляны парень. — Я встать не могу, голова кружится.

Анна мгновение помедлила, кивнула и двинулась на крик, стараясь не смотреть на неподвижно лежащего в траве водителя. Она его хорошо знала, года три периодически ездила с

ним в Москву. И вот его нет... он умер. Умер? Как такое могло произойти? У нее на глазах только что умер человек! Ноги заплетало травой, вокруг валялись привычные в обычной жизни предметы, но здесь они казались чужеродными, все казалось неправильным и нереальным, словно кто-то намеренно разбросал их по траве для съемок фильма: босоножка с порванной лямкой, книга и кошелек, ящик с вывалившимися инструментами, битое стекло и ключи, банковские карты, ее рюкзак. Девушка, прикрывая рот дрожащей ладонью и пачкая лицо кровью, приблизилась к женщине, возле которой сидел маленький мальчик.

Он плакал, крепко вцепившись ручонками в платье, и тряс ее. Грязное лицо малыша с блестящими от слез дорожками представляло собой один сплошной крик, красный, дикий от ужаса. Он с ревом тряс лежащую в густой траве женщину, зажав кулачками цветастую ткань, пытаясь ее разбудить, но она не двигалась и не просыпалась. Всхлипывая, он повторял «ма-а, ма-а!», тормоша ее. На футболке малыша издевательски приветливо улыбался и махал плюшевой лапкой нарисованный Винни-Пух.

Слишком много медведей для одного гребаного дня, подумала Анна. Господи, да мальчишка же совсем маленький и ничего не понимает... И тут же пришло осознание, что так лучше. Он слишком мал, чтобы понять весь ужас произошедшего.

Голова женщины запрокинулась, из приоткрытого рта по

ободранной щеке с прилипшими к коже травинками вытекала тонкая струйка крови, правую руку вывернуло под неестественным углом. От вида искалеченной женщины Анну пробрала дрожь, закружилась голова и нечем стало дышать, как бывает в душном вагоне метро. Пустые мутные глаза женщины были устремлены вверх, последний, отчаянный крик, перешедший в стон, так и остался на ее губах. Анне на миг показалось, что она услышала его где-то далеко-далеко, этот страшный и безумный крик. Вместе с воздухом наружу вылетела и душа, растворилась в мягком августовском вечернем воздухе, пропитанном запахом хвои и бензина, а мальчонка плакал и пытался разбудить маму, не понимая, что та вообще не спит.

Ноги девушки дрожали, подгибались, она сделала шаг, другой, но внезапно звон в ушах усилился, стал оглушительным, и воздух куда-то делся, она задыхалась. Лес с поразительной скоростью рванул вниз, к земле, пропал, а на его месте почему-то оказалось небо, запестревшее черными мушками. В нос ударил запах сырой земли, перед взором промелькнула дорога, сильный ливень с дробным стуком бил в окно и по железной крыше. Она смотрела прямо перед собой, белые линии дорожной разметки слились в сплошную полосу, а навстречу им вместе с ливнем неся гул, все ближе, все громче, пока автобус с оглушительной вспышкой не провалился в черноту вместе с пассажирами. Истошно закричала женщина, кто-то выругался. Щелкнул выключатель, в за-

пертой комнате без окон стало темно. Девушка повалилась в густую траву и потеряла сознание.

Плакал ребенок, сквозь треснувший надвое небосвод на деревья лился тусклый свет, и где-то совсем рядом с ней старческий голосок напевал знакомую с детства песенку. Пахло свежим хлебом и горячим сдобным печеньем, Анна приподнялась и увидела пряничный домик на опушке. Из открытого оконца и доносилось пение, на подоконнике остывало печенье с корицей и аппетитные крендельки с малиной. Пение прекратилось, голос произнес:

— Загляни-ка в дом, милое дитя. Отведай мое угощение.

Девушка поднялась, оправила на ногах подол шелкового алого платья и направилась к чудному яркому домику. Рядом, держа ее за руку, шел мальчик. Анна подивилась, что он больше не плачет, но голос настойчиво звал ее, притягивал, и она тотчас обо всем забыла. Вдвоем они подошли к пряничному домику, сошедшему не иначе как со страниц большой и очень старой книги сказок, и Анна заглянула внутрь через карамельное окошко.

Старушка в замызганном сером переднике тихо напевала себе под скрюченный, как и у всякой ведьмы, нос, и рубила топором на грязном столе кусок мяса. Серые сальные пряди падали на покрытое морщинами лицо, она то и дело убирала волосы привычным и быстрым движением руки. Весь лоб ее и виски покрывали кровавые разводы. Должно быть, Гензель

сегодня отправится напрямиком в котел, а после окажется на праздничном красивом блюде с отварной картошкой и грибами, приправленный ароматным базиликом и душицей.

И гости отведают главное блюдо, так хочет старуха. Они зайдут в дом, останутся ночевать. Анна выпьет бокал красного вина, голова ее от одной лишь мысли пошла кругом, словно она уже была пьяна. После сытного ужина на десерт они съедят посыпанные сахарной пудрой крендельки, а на закате лягут вместе с малышом на мягкую, чистую постель и мирно уснут, чтобы больше никогда не проснуться.

Жуткая реальность подернулась рябью, послышалось шипение, и изображение замерло, дернулось и повернуло вспять. Старуха двигалась неестественно, как кукла, словно ей кто-то управлял, но она всеми силами противилась этому. Проведя по лбу рукой, она втерла в него обратно жирный пот и ухмыльнулась.

— Еинешогу еом йадевто ятид еолим мод в ак-инялгаз, — заикающимся глухим голосом произнесла ведьма и посмотрела на Анну.

Язык ее то ли застревал, то ли цеплялся за гнилые зубы, когда она бубнила какую-то тарабарщину, и Анна с криком отшатнулась, попыталась найти опору и, размахивая руками, плюхнулась в траву. Домик исчез, кто-то с громким шелестом перевернул страницу книги. Теперь перед ней на опушке леса стоял большой старый ламповый телевизор на деревянных ножках, на экране которого сквозь помехи Анна

продолжала видеть сказочный домик и ведьму в окне. Она быстро протянула руку и с оглушительным щелчком повернула ручку переключения каналов. На экране появилась маленькая девочка. Откуда-то из подсознания, из глубин памяти всплыла эта картинка из далекого детства: она идет через парк, ножки ее, обутое в невесомые сандалии, тонут в желтом море одуванчиков. Она идет, то и дело спотыкаясь, в глазах — слезы. В руках она несет мертвого скворца.

Глава 2

Мужчина с трудом поднял девушку и отнес на руках подальше от места аварии. Он осторожно положил ее в тени густого орешника, похлопал по щекам, но девчонка в себя не приходила. Заметив кровь на джинсах и на руках, он быстро осмотрел ее. Удостоверившись, что серьезных повреждений нет, а кровь натекла из пореза на руке, он вернулся на поляну и подхватил ребенка. Тот уже и не плакал, а скорее подвывал все тише и тише, обессилев от плача и уткнувшись в плечо мамы. Мужчина обернулся, встретился взглядом с юношей.

— Ты как, ходить можешь? — спросил он. — Не сиди рядом с автобусом, он может загореться.

Он посадил ребенка рядом с девушкой и вернулся к автобусу. От удара о поручень у него распухло и сильно болело плечо, но он, стискивая зубы, крепился. Забравшись внутрь через аварийный выход, мужчина пробормотал ругательство и вытер порезанную руку о порванную штанину, прижав рану большим пальцем. В салоне пахло бензином, при ударе о дерево повредился бак. Где-то здесь осталась его сумка, в которой, кроме телефона, лежала бутылка с водой. И где-то здесь должна была находиться автомобильная аптечка. Поискав глазами свое место, он облегченно выдохнул, осторожно прошел по битому стеклу, подобрал сумку и нашел аптечку. Выбираясь из автобуса, он на секунду обернулся, что-

бы еще раз окинуть взглядом салон, и вздрогнул от неожиданности, увидев окровавленную мордочку плюшевого медвежонка.

Анна очнулась и с минуту лежала, глядя на высокие березы, покачивающиеся ветви кустарника над головой, на проплывающие легкие летние облака в образовавшемся окошке среди густой шумной листвы, и пыталась понять, где она и что произошло. Ей было жарко, болела рука, в животе, словно морской прилив, возникала тупая, ноющая боль, становясь то сильнее, то слабее. Она попыталась приподняться, но со стоном легла обратно на траву. Медленно повернула голову, увидела сидящего рядом парня, а подле него лежащего скрюченного мальчика. Анна вспомнила: парень сидел в автобусе через два сиденья от нее и слушал музыку, и он же попросил ее проверить ребенка. Женщина с малышом сидели, кажется, справа, возле двери... Ее прошиб холодный пот. *Авария? Я действительно попала в аварию?* Анна глубоко и часто задышала, стараясь унять подступающую к горлу тошноту; ее снова замутило, то ли от боли, то ли от осознания произошедшего, то ли из-за того, что перед глазами возник образ мертвого водителя и лежащей в траве женщины с пятнами крови на разодранном платье. В стороне послышался хруст стекла, из маршрутки через заднюю дверь выбрался мужчина. Поднялся, отряхнул руки и направился к ним.

— Алексей, вода, — он протянул пластиковую бутылку парню и бросил взгляд на Анну. — Ну как ты? Ничего не

болит?

— Нет, — машинально ответила Анна, хотя живот в эту секунду наливался огнем, словно она проглотила раскаленный камень, который постепенно опускался все ниже и ниже. — Только рука немного.

Говорить, что у нее болит *там*, она постеснялась. Приподняла руку и с удивлением заметила глубокий порез, из которого продолжала течь кровь.

— Где мы? И где полиция и скорая помощь?

Мужчина усмехнулся и достал из нагрудного кармана бежевой рубашки пачку сигарет. Закурил, закатал рукава, осматривая опушку леса, но отвечать не торопился. Стряхнул с порванной штанины брюк пыль и хвою, оторвал от сигареты фильтр и глубоко затянулся. Анна невольно проследила за его взглядом.

— Почему... почему мы находимся в лесу? Мы же ехали по дороге...

— Видимо, автобус съехал на обочину и влетел на полном ходу в лес, — ответил он и посмотрел на небо. — Из-за ливня вообще ничего не было видно... Быстро же он закончился. Тебя как зовут?

— Анна, — ответила девушка и вновь предприняла попытку подняться и сесть. — Анна Полякова.

— А меня Виктор. Ты лежи и не шевелись до приезда врачей, хорошо? У тебя на боку ссадина, да и рука сильно порезана. Ее я тебе сейчас забинтую, не переживай.

Анна перевела взгляд на стену леса, на темные ели и при-
никший к толстым, шершавым стволам чахлый кустарник,
на буйно разросшуюся на краю поляны крапиву и иван-чай,
что растут обычно на вырубках или пожарищах, и ждала, что
вот-вот, в следующую секунду из гущи леса непременно вы-
нырнет человек в форме, сотрудник МЧС, а следом за ним
врачи. Она даже забыла о боли, терзавшей низ живота. По-
следний раз так болело, когда она застудилась зимой пару лет
назад. Ну и, пожалуй, после того неприятного случая на пу-
стыре в конце июля, о котором она искренне желала забыть.

Мужчина, представившийся Виктором, продолжал задум-
чиво смотреть в ту же сторону, что и Анна, жадно курил.
Внешне он напомнил ей школьного учителя физкультуры:
среднего роста, коренастый, с короткими русыми волосами.
Лицо самое обычное — встретишь в толпе и не обратишь
внимания. Разве что кривой шрам на левой щеке бросался
в глаза. Выглядел он лет на пятьдесят, не больше. Виктор
сидел к ней вполоборота и о чем-то думал, на скулах его,
выдавая напряжение, играли желваки. Налетевший ветерок
всколыхнул тесным кольцом окружавший людей лес, заше-
лестела листва. С востока ползли темные тучи, сухой воз-
дух наполнился тем особенным запахом, какой бывает перед
дождем. Машинально поправив растрепанные волосы, Ан-
на натянула на голову капюшон. Ей стало холодно, разгоря-
ченное лицо обдавало свежим ветерком. Вдруг она спохва-
тилась, что забыла позвонить маме, вытащила смартфон из

кармана джинсов и нажала на кнопку.

— Работает? — спросил Виктор. — Мой сеть не ловит.

— Не включается, — нахмурившись, пробормотала она и осмотрела смартфон со всех сторон. — Сломался, наверное.

— Мой разбился в хлам, — с горечью в голосе сказал Алексей и показал им покрытый трещинами дисплей. — Месяц назад купил, блин.

Анна попробовала включить еще раз, но безуспешно. Засунув свой старенький «Самсунг» обратно в карман толстовки, она растерянно огляделась. Она о чем-то явно забыла. Сжала порезанную ладонь, поморщилась от боли и вздрогнула: брелок! Она потеряла свой брелок! Достала его в дороге и держала в руке. *Нет, нет, пожалуйста, его нельзя терять...* Ее охватила неподдельная паника, поиск талисмана в эту секунду показался важнее всего на свете. Анна поднялась, застонав от боли, и направилась к перевернутому автобусу, прижимая руку к пылающему животу. Виктор в этот момент что-то спрашивал у Алексея, но осекся, с тревогой глядя ей вслед.

— Анна, ты куда?

— Я сейчас, минуту, — не оборачиваясь, ответила она мужчине и, стараясь не смотреть на мертвецов, направилась к автобусу.

Забравшись в салон, Анна рухнула на колени и лихорадочно принялась разгребать в траве мелкие осколки стекла, совершенно не заботясь о руках. Увидела свои наушники,

подняла их и, машинально скрутив, сунула в карман. Может, брелок все-таки лежит в рюкзаке? Она поднялась, стукнулась головой о поручень и зашипела от боли. Шагнула к аварийному выходу, но остановилась. Вспомнила, что перед тем, как автобус сильно трянуло, словно тот на всем ходу налетел на выбоину, талисман точно лежал в ее руке. Анна чуть не заплакала от обиды и еще раз окинула взглядом салон автобуса.

— Его нельзя терять, нельзя! — прошептала она и всхлипнула. — Это же...

Брелок висел на сиденье. Цепочка порвалась, но каким-то чудом зацепилась за обломок пластика. Анна выдохнула от облегчения, схватила маленький металлический паровозик и засунула его в карман джинсов.

Вернувшись на поляну под деревья, она села и закрыла глаза, не обращая внимания на недоумевающие взгляды мужчин.

— Ты что-то потеряла?

— Да так, — девушка покачала головой, — ничего особенного. И мысленно добавила, что *ничего особенного для других*.

— Ты бы лучше сидела, сейчас тебе нужен покой. — Виктор затянулся, с шумом выпустил ароматный дым через нос и взял у Алексея воду. — Давай я тебе помогу умыться, у тебя лицо в крови. Он полил ей на руки из бутылки, а затем протянул носовой платок.

— Спасибо, — она вытерла лицо и с трудом села обратно.

— Болит?

— Я потерплю, — Анна поморщилась. — Может, нам лучше выйти на дорогу?

Виктор затушил окурок, щелчком отправив его в кусты, кивнул и поднялся.

— Это я как раз и собирался сделать. Алексей, сидите здесь, присматривайте за ребенком. Я остановлю машину и попрошу помощи. Видимо, никто не видел аварии, так что мы с вами до ночи можем просидеть, прежде чем нас хватятся.

Виктор шагал по примятой траве и осматривал путь, по которому проехал автобус, пока не повстречался с массивной березой, он не мог понять, почему не слышит дорожного шума. Автомобили днем здесь не редкость, так что за все это время хотя бы одна, да должна была проехать по дороге. Автобус выехал из города по расписанию примерно в семь часов вечера, до шоссе ехать километров пятнадцать, не больше, а проехали они от силы четыре, прежде чем попали в аварию. Шум с трассы отсюда почти не слышен, но дорога-то близко. Двигался он в верном направлении: след от пронесшегося автобуса, несмотря на надвигающиеся сумерки, отчетливо виднелся в подлеске. Водитель из-за ливня не справился с управлением, вылетел на обочину и заехал в лес? Странно все это, чертовски странно.

— Допустим, все произошло именно так, — вслух произ-

нес он, сплюнул, огляделся и полез в карман за сигаретами, хотя его уже тошнило от табака. — Допустим.

Он прошел уже метров сто. Лес был поразительно тихим, непривычным для Подмосковья, где от шума со стороны трассы невозможно спрятаться даже за теми уродливыми зелеными ограждениями, которые поставили у деревень и маленьких городков. Гул слышался всегда, как будто люди жили неподалеку от гигантского пчелиного улья. Внезапно Виктор замедлил шаг и остановился, с удивлением глядя на дерево, от которого начинали отходить следы колес. Он сделал несколько сильных затяжек и, бросив окурок под ноги, тщательно затоптал его. Медленно обошел высоченную ель, осмотрел со всех сторон землю. Следы шин маршрутного автобуса начинались от дерева, за которым виднелся глубокий заросший овраг. Пробормотав проклятье, Виктор осторожно, но быстро спустился, держась руками за ветки черемухи, поднялся с другой стороны и остановился, заметив какой-то инородный предмет, торчащий из густой травы. Разгреб ногой траву и протяжно свистнул, сел на корточки и уже руками попытался вытащить пластину ржавого металла из земли. Он без труда отломал кусок и, осененный внезапной догадкой, разгреб руками хвойный опад в стороне, затем поднялся и разбросал ногой слежавшуюся мокрую листву и слой земли в другом месте.

Чертовщина какая-то, подумал он, огляделся и заметил в стороне яркое пятно, резко выделявшееся на фоне леса.

Медленно направился в ту сторону, но по мере приближения к непонятному предмету, мужчине все больше и больше хотелось развернуться и убежать.

Виктор решил пока ничего не говорить о своих странных находках. Учитывая, что он и сам до конца не понимал причины охватившего его в лесу испуга. Последствия аварии, в которой погибли два человека, ребенок, пытавшийся разбудить свою мертвую маму... Он не сомневался, что в ближайшем будущем еще не раз вспомнит этот злополучный день.

— Вы на дорогу вышли? — первым делом спросил его Алексей.

Виктор покачал головой.

— Нет, не дошел, там глубокий овраг.

Молодые люди переглянулись, но Виктор не обратил на это внимания. Распотрошил водительскую аптечку, дал Анне сразу две таблетки анальгина, забинтовал ей руку, а затем занялся Алексеем. Остальные лекарства — стандартный набор — сложил обратно в аптечку и отложил ее в сторону.

Погибших пассажиров Виктор накрыл кусками брезента, которые нашел под задним сиденьем автобуса. Мельком взглянув на обезображенное жуткой гримасой лицо мертвого водителя, Виктор поспешил накрыть его. Затем подобрал валявшуюся в траве рядом с разорванной книгой босоножку, подхватил второй кусок брезента, вернулся к телу мертвой женщины и с минуту стоял рядом, изучая ее документы. Посмотрев через плечо на притихшего мальчонку, сидевшего в

траве на опушке рядом с Анной, он со вздохом положил вещи рядом с женщиной, поправил разорванное платье и едва слышно извинился. Она еще не начала коченеть, казалось, что женщина просто очень крепко спит.

Глава 3

Вскоре они наткнулись на тропу. Уставшие и мокрые, не сговариваясь, они остановились. Дождь, шедший с того самого момента, как они покинули место аварии, не дождав-шись помощи, то усиливался, то затихал. Но густо росшие деревья, казалось, впитали в себя так много влаги, что на троих людей, измученных долгой ходьбой, капало постоянно. Немного посоветовавшись, они решили идти по тропе, которая должна была вывести к дороге или какому-нибудь поселку. Выглядела она старой, слишком сильно заросшей, извивалась, кружила, петляла среди больших елей, ныряла то вниз, в овраг, то вверх, на очередной склон, заросший здоровенными лопухами, хвощом и каким-то низким и ужасно колючим кустарником.

Ветки больно стегали девушку по лицу, она старалась наклонять голову, защищая глаза рукой, но было чертовски неудобно идти со спящим ребенком на руках. Несли они его по очереди, но уже минут через пять руки у Анны начинали отваливаться. Вначале ребенок казался ей легким, как пушинка, но с каждым шагом, с каждой пройденным метром он, казалось, становился тяжелее. Она чувствовала нарастающее раздражение из-за усталости, хотелось курить. Мальчик долго плакал, очень долго, но, в конце концов, уснул, охрипнув и выплакав весь свой детский страх. *Ты еще слыши-*

ком мал, чтобы понять в полной мере то, что произошло с твоей мамой, в который раз за вечер подумала Анна, шагая по тропе за мужчинами. Они периодически оглядывались, чтобы не потерять ее из виду. Панически боясь, что ребенок вновь проснется и начнет плакать, она старалась нести его по возможности аккуратнее, из-за этого и отставала. Нельзя сказать, что она любила маленьких детей; ее раздражали их непрекращающиеся крики и истерики по любым пустякам, но к спящему на руках мальчику она испытывала жалость и дала себе зарок, что когда они выберутся и весь этот кошмар закончится, она обязательно навестит его. Сходит к нему домой, познакомится с его папой или бабушкой и будет периодически заглядывать к ним. Затем ее мысли переключились на ее собственного отца, исчезнувшего почти десять лет назад, и Анна тяжело вздохнула. Эти воспоминания не приносили ничего, кроме тоски и боли.

Вот влипла так влипла, подумала она и напряглась, потому что мальчик зашевелился у нее на руках, пролепетал что-то во сне, но, к счастью, не проснулся. Она с облегчением вздохнула. Что-то подсказывало Анне, что для ребенка — равно как и для нее — будет лучше, если он продолжит спать. И для мужчины, светившего ей прямо в лицо... *Эй!*

— Эй, послушай, какого черта? Убери фонарик, я ничего не вижу, — грозно прошептала она и закрыла глаза левой рукой, плотнее прижав малыша к себе.

— Извини, Аня. — Алексей повел кистью, и луч фонаря

ушел под ноги. — Давай мне его, отдохни.

Анна фыркнула. *Аня... Какая я тебе Аня?* Но вслух ничего не сказала. *Где-то же я тебя видела, но где? Может, в школе? Лицо очень знакомое...*

— Не надо, будет только хуже, если он проснется. Я потерплю. — Спрашивать Алексея сейчас она не стала, отложила расспросы на потом. Села на корточки и чуть-чуть расслабила руки, переложив вес ребенка на колени. — Скажи лучше, долго нам еще идти?

— Надеюсь, мы скоро выберемся на дорогу, а там остановим какое-нибудь проезжающее авто и попросим помощи, — ответил Алексей. — Если выберемся.

— Если выберемся? Мы уже давно должны были выйти из леса, разве нет?

— Да, должны были, — не оборачиваясь, ответил за Алексея Виктор. — Ерунда какая-то... Я этот лес, честно говоря, не очень хорошо знаю, ходил за грибами сюда всего пару раз. Он небольшой, максимум километров пять-шесть в ширину, но и этого хватит, чтобы заблудиться. — Он замолчал, увидел неподдельный испуг на лице девушки и добавил: — Не переживай, в любом случае мы скоро выйдем к населенному пункту. Мы же не в тайге, а в подмосковном лесу.

Алексей посмотрел на Анну и виновато улыбнулся. Кровь из раны на его голове течь перестала, шел он довольно бодро, но выглядел не самым лучшим образом; лицо приобрело болезненно-бледный оттенок, он задыхался и часто останав-

ливался.

— Если станет невмоготу — скажи. Хорошо?

Анна кивнула, и они вновь продолжили путь. Боль в животе, утихшая после выпитых таблеток, постепенно возвращалась. Девушка морщилась, ей нестерпимо хотелось в туалет. Казалось, мочевой пузырь разорвется, если она в ближайшее время не пописает. Так и шагала, сжав зубы, осторожно выбирая дорогу. Тропинку, заваленную листвой и хвоей, часто преграждали поваленные стволы рухнувших деревьев, и их приходилось обходить. Они петляли, шагая за светом фонарика Виктора, возвращались, обходя завалы, продирались сквозь густой подлесок. Анна, обливаясь потом и тяжело дыша, осторожно перелезала через стволы, ругалась вполголоса, и в очередной раз, перебираясь через толстую сухую ель, чуть не упала, зацепившись за ветку штаниной. Послышался треск рвущейся ткани, и Алексей в последний момент успел поддержать девушку.

— Забери мальчишку у нее, — сказал подошедший Виктор, и Анна на этот раз не стала спорить, осторожно передала ребенка Алексею.

Она боялась, что ребенок проснется и заплачет, как было в прошлый раз, едва его забрал Виктор, но малыш спал так крепко, что девушке порой казалось, будто он и не дышит вовсе. Вздохнув с облегчением, Анна достала бутылку и сделала пару глотков воды, поправила рюкзак, перевязала потуже шнурки грязных и мокрых кроссовок. Хорошо, что вече-

ром она передумала и не надела платье и туфли. Как будто знала, что вместо прогулки по городу окажется в лесу и будет идти с незнакомцами по тропинке черт знает куда с маленьким ребенком на руках. Пока Виктор курил, она отошла в сторонку и незаметно юркнула в кусты. Расстегнула ремень, с трудом стянула с себя мокрые джинсы вместе с трусиками и присела, воровато оглядываясь: еще немного, и она точно описалась бы. Поднявшись и застегнув джинсы, Анна поправила футболку, поежившись от неприятного прикосновения мокрой и холодной ткани к коже.

Дальнейший поход воспринимался как дурной сон. Что-то не так было с лесом, через который они шли. Она не могла сказать, почему ей так казалось. Это находилось за пределами рационального, где-то глубоко внутри на уровне интуиции. Она попыталась списать тревожность на последствия перенесенного стресса, но чувствовала, что дело в другом. Беспреданно шедший дождь, промокшая одежда, липшая к телу, и усталость могли повлиять и, очевидно, влияли на ее эмоциональное состояние. Но проблема заключалась в том, что само окружение угнетало и давило на нее. Уставший за длинное жаркое лето, разбавленный местами желтой краской лес, обычный, на первый взгляд, казался слишком мрачным. С каждым шагом он плотнее окутывал шагавших по тропе людей сырым и темным плащом из листьев.

Если бы не тропа, они не продвинулись бы по лесу далеко, учитывая, что им — в разной степени получившим травмы

— приходилось по очереди нести ребенка. У Виктора ныло плечо, Анна мучилась болью в животе, а Алексей, поначалу казавшийся довольно бодрым, несмотря на бледность, вскоре начал сильно отставать. Спустя час пути он уже брел позади них в наглухо застегнутой куртке, длинные мокрые волосы торчали вбок из-под грязных бинтов, и Анна чаще и чаще оглядывалась, переживая за него. На очередном коротком привале Алексей бросил свою спортивную сумку и, не глядя, плюхнулся на землю, привалившись спиной к стволу дерева.

— Алексей, — произнес Виктор и сунул в рот сигарету.

— Курить будешь?

— Что? Нет, я не курю, спасибо.

Анна бы не отказалась. Она села на поваленную трухлявую березу и тихонько покачивала мальчика, оглядываясь по сторонам. Потрескивания в валежнике, шелест и шорохи изводили ее, воображение предательски работало на всю катушку. Ее покидало ощущение, что на них кто-то смотрит. Благо фонарик Виктора светил достаточно ярко, без него они вообще бы далеко не ушли. С другой стороны, в темноте фонарь работал как маяк.

— Остановимся здесь? Или еще немного потерпишь, Леша?

— Пять минут посижу и можно идти дальше. — Он потрогал стянувший голову бинт с коркой засохшей крови и скривился. — Болит, зараза.

— Уже стемнело, долго нам еще идти? — тихо спросила Анна и снова оглянулась. — И какой у нас план? Кто-нибудь хоть что-то понимает? Мы уже второй час идем, должны были сто раз выйти к дороге, разве нет?

— Должны, но не вышли. — Виктор жадно докурил сигарету в несколько затяжек, потушил окурок и взял бутылку с остатками воды у Анны. — Я же говорил, что мы заплутали, бывает. Если в ближайшее время не наткнемся на дорогу, разведем костер и подождем до утра.

— Мы умерли все во время аварии там, на поляне, — пробормотал Алексей и недобро усмехнулся.

— Не пори чушь, Леша. Мы просто заблудились. Продолжим и дальше идти по этой тропе, рано или поздно она выведет нас или к дороге, или к городу. — Он поднялся, протянул Анне фонарик и спросил: — Меняемся? Давай сюда кролика, а ты ступай следом и свети мне под ноги.

— Кролика? — Анна осторожно передала ребенка Виктору, прыгнула со ствола и отряхнула мокрые джинсы. — Из-за принта Винни-Пуха?

— Нет, — улыбнулся Виктор. — Передние молочные зубки у него торчат, как у кролика. Не заметила?

Обычная болтовня немного отвлекла от гнетущего чувства неопределенности. Анна улыбнулась и махнула Алексею.

— Пойдем?

Глава 4

Впитывая каждой кочкой, листком, треснувшей корой влагу, лес разбухал на глазах, как губка. Густой слой листьев и хвои под ногами создавал впечатление, что они идут по мягкому, старому ковру. Продолжая шагать рядом с мужчинами, Анна глазела по сторонам, надеясь в прорехах среди деревьев увидеть свет фонарей или освещенные окна домов, но их окружала непроницаемая тьма. Во время очередного короткого привала, на котором настоял Виктор, Анна под предлогом, что ей надо в туалет, отошла в сторонку.

Девушка украдкой оглянулась, достала из рюкзака пачку сигарет, вытащила одну и тряхнула коробком. Она так спешила на автобус, что не стала искать свою зажигалку и забрала последний коробок спичек на кухне. Горько усмехнувшись, Анна чиркнула спичкой о коробок и на секунду зажмурилась от ярко вспыхнувшего огонька. Села на корточки, прислонилась спиной к дереву и с наслаждением затаилась.

Когда Виктор днем вернулся к ним на поляну, Анну насторожило выражение его лица, и воспоминания об этом не давали ей покоя. В тот момент он выглядел... растерянным? Задумчивым и ошарашенным, именно так показалось Анне. От расспросов отмахнулся и сказал лишь, что им стоит подождать еще немного, и если их не обнаружат, попробовать

выйти к дороге самостоятельно. Попробовать! Как будто они ехали на автобусе через лес километров десять. Она вздохнула.

Если бы я задержалась на пару минут, уже была бы дома. Съездила в Москву, купила книгу, которую давно хотела прочесть, выпила бы ледяной латте в кафе... Опоздай я на этот чертов автобус, не попала бы в аварию.

Затянулась и закрыла глаза. Она очень устала, легла бы прямо здесь на мягкий мох и уснула.

— Анна, где ты? — раздался встревоженный голос Алексея. — Анна?

Девушка сделала пару глубоких затяжек, прежде чем затушить сигарету, поднялась и выбросила окурочок в кусты. И на минуту не могут оставить в покое.

— Иду, минуточку, — слегка раздраженно бросила она и двинулась в сторону света.

Под ногами хрустел валежник, им снова и снова приходилось обходить стороной завалы и густые заросли крапивы. Они шагали друг за другом, не имея ни малейшего представления, когда лес закончится и закончится ли вообще. Они заблудились. Только эта мысль приходила им в головы, только она могла объяснить тот факт, что они до сих пор не вышли к жилой зоне. Выходит, в какой-то момент они пошли не туда, свернули не в ту сторону или просто незаметно для себя забирали вглубь леса.

Обходя яму с черной в свете фонарика водой, Анна пере-

хватила ребенка онемевшими руками и тихо позвала Алексея. Он посмотрел на взмокшее, уставшее лицо девушки и остановился.

— Давай я немного понесу, отдохни. Ты не молчи, сразу говори, хорошо?

— Держи, только осторожно, — сказала Анна и передала ему мальчика, но тот вдруг проснулся и захныкал. — Т-с-с-с, тише, успокойся. — И показала Алексею жестом — качай.

Мальчишка затих, и они оба вздохнули с облегчением. Анна привалилась плечом к дереву и потерла горящую щеку. Продираясь сквозь густые заросли какого-то кустарника, ее стегнуло веткой по лицу. Свет фонаря медленно отдалялся, Анна поправила свой рюкзачок и заковыляла следом. *Как там мама*, подумала она и на ходу достала телефон, который заработал спустя пару часов после аварии, но сеть не ловил. Убрав телефон обратно в карман джинсов, она вздохнула и представила, как возвращается домой... и получает хорошую взбучку. Анна включила по привычке мысленную камеру, послышался тихий гул, зажглась красная лампочка, и она увидела себя со стороны.

Она стаскивает с себя грязную, мокрую, пропахшую потом одежду и залезает в душ под обжигающе горячие струи воды. Потом, запахнувшись в большое полотенце, бежит босиком в свою комнату, одевается и рассказывает о своих приключениях, а мама только ахает да охает.

— И как же вы в итоге выбрались?

— Наткнулись уже ночью на грунтовую дорогу, которая нас вывела к деревне, представляешь? Там мы постучались в... первый же дом, попросили помощи... Хозяева вызвали скорую помощь и полицию... ты не видела мою лиловую футболку? Ах, вот она.

— Бедные люди... а ребенку-то теперь как?

Анна пожала плечами и потрепала по холке подбежавшую собаку.

— Не знаю, грустно, конечно, все это. Я видела его отца, он в обморок упал, когда ему рассказали, что его супруга... что она... Короче его нашатырным спиртом в чувство приводили. А нас еще два часа продержали в больнице. Завтра к десяти утра мне необходимо прийти в отделение полиции для дачи показаний, хотя я все им уже рассказала.

— Затаскают теперь, — буркнула мама. — Им только за радость вся эта бумажная волокита.

На кухне Анна плюхнулась на свое любимое место, схватила с тарелки бутерброд с сыром и в два укуса уничтожила его, запив безумно сладким чаем из кружки с отбитым краем.

— Не швыркай, умоляю тебя, Аня. Яичницу будешь? Я с твоими приключениями ничего не успела приготовить. — Она открыла дверцу духовки, наклонилась и, грохоча, достала чугунную сковороду. — Ты спички не видела?

— Нееет, — солгала Анна с набитым ртом. — В ящике посмотри.

За окнами дождь стучал по стеклам, в свете фонарей шевелились тени деревьев на тротуаре. На сковороде зашкворчали разбитые яйца, послышалось знакомое цок-цок-цок, и на кухню с виноватым, но хитрым видом пришла ее собака, легла рядом с табуреткой, положив морду на стертые розовые тапочки девушки.

— Мама?

— Что, Аня?

— Погибли люди, произошла сильная авария, а ты выглядишь... такой...

— Какой?

Анна пожала плечами.

— Спокойной, что ли.

— Сама удивляюсь, дочка. Я же не настоящая мама, а лишь ее копия в твоей голове. И какая-то странная копия, не находишь? Давай выключай свою мысленную камеру, хватит снимать кино. Ешь яичницу, остынет ведь...

Анна вернулась в реальность, в которой ее окружала вязкая и неприятная темнота. Она подумала, что появившись у нее возможность прикоснуться к ночи, на руке наверняка остался бы след сажи. Тени казались живыми и искажали пространство, двигались и разбегались в стороны, потревоженные светом карманного фонарика Виктора. Минуты растягивались в часы, Анне казалось, что они бредут по тропе уже очень долго, а края леса все нет и нет. Она замерзла, устала, в какой-то момент поймала себя на том, что чуть не усну-

ла на ходу. Тяжело вздохнув, она потерла лицо руками и в следующий момент оступилась, обходя вывороченный ветром корень большого дерева, почувствовала резкую боль в лодыжке.

— Ай! Блин...

Виктор повернулся и осветил фонарем на прислонившуюся к стволу дерева Анну. Одной рукой она держалась за лодыжку, а другой прикрывала глаза от яркого света.

— Что случилось? Упала?

— Нет. Нога... поехала на корне.

Виктор сел на корточки возле нее и осторожно дотронулся до лодыжки.

— Здесь болит?

— Да, — ответила Анна и зажмурилась, как маленький ребенок, которому собираются вытаскивать занозу из пальца. Если не смотреть — не так больно.

Подошел Алексей, заглянул через плечо Виктора.

— Что случилось?

— Алексей, поддержи-ка фонарик. — Виктор осторожно задрал штанину на ноге Анны и слегка сжал тоненькую, как у птички, лодыжку.

— Больно! — вскрикнула девушка и сжала зубы.

— Знаю, но ничего страшного, обычное растяжение. Опухнет, конечно, но не сильно. Попробуй наступить, только осторожно.

Анна не очень-то поверила словам Виктора, ей показа-

лось, что у нее перелом. Схватила за протянутую руку и осторожно сделала шаг. Почувствовала боль, но, к своему удивлению, наступить на ногу смогла.

— Старайся только при ходьбе не давить на нее. Мы бы остановились, Ань, но нам правда надо идти, не ночевать же в лесу.

Мог бы и не говорить. Анна медленно зашагала следом за Виктором, который забрал ребенка у взмокшего Алексея. Подул свежий ветерок, тропа уходила левее в сторону густого ельника. Молча они двинулись дальше и нырнули в сырую вязкую мглу. Безмолвный лес поглотил четырех людей и замер.

Глава 5

С темного неба непрерывно лил мелкий, частый дождь. То усиливаясь, то затихая, он шел уже несколько часов. Анна, несмотря на усилия, вновь отстала. В кроссовках хлюпала вода, каждый шаг отдавался неприятной, резкой болью в стопе. Она задыхалась, пот стекал по грязному лицу, кожу жгло под мокрыми джинсами. Мышцы ныли, тело медленно наливалось усталостью. Анна и не подозревала, что так можно устать. Вновь возникшее чувство, что за ними следят, усиливалось с каждым шагом, словно сам старый лес наблюдал за ними. Анна на ходу откинула сырой капюшон с головы и уже не обращала внимания на струйки воды, стекавшие за шиворот. Она злилась, им следовало оставаться у автобуса, а не тащиться через лес в поисках дороги. Стоило ей подумать об этом, и девушка вздрогнула, вспомнив о двух мертвых людях, прямо сейчас лежащих там, далеко позади, в темноте, накрытых кусками промасленного брезента. Представила, как по железу барабанит дождь и смывает грязь с осколков стекла, торчащих в окнах, как поломанные зубы поверженного чудовища.

Нет, я сейчас скажу, что так дальше продолжаться не может... Она хотела позвать Виктора, но замолчала на полуслове и замерла. Позади в лесу она услышала треск, показавшийся ей оглушительным. Что-то двигалось за деревья-

ми, там, откуда они только что пришли. Анна похолодела и задержала дыхание, вглядываясь в темноту. Но там все стихло, в листве мягко шелестел дождь. Девушка, подавив в себе желание броситься бежать, повернулась и, хромя, пошла по тропе, пока не догнала Виктора и Алексея. Они тоже услышали шум и остановились.

Что-то большое двигалось за ними по лесу. Как Виктор ни старался, он не мог представить себе, кем мог быть их преследователь. От резкого звука, опять донесшегося до них из глубины леса, Виктор вздрогнул и крепче прижал к себе ребенка. Что-то крупное и тяжелое прокладывало себе путь через чащу. Звук отдалялся, в этом не было никаких сомнений, но сама мысль, что рядом с ними буквально в десяти метрах находился какой-то большой зверь, приводила в ужас.

— Охренеть, — сказал Алексей и посмотрел на Анну.

— Что это? — прошептала та в ответ, вцепившись в его руку. Она стояла подле него, вглядываясь в мрачную темную стену леса: — Так близко... слышали? Уже второй раз.

— Скорее всего, лось, — неопределенно сказал Виктор и направил фонарь в сторону удалявшегося звука.

Луч фонарика растворялся в темноте, выхватывая мокрые, блестящие стволы деревьев.

— Все, привал. Я надеялся, что нам удастся выбраться из леса сегодня же, но придется остановиться, — сказал Виктор и бросил рюкзак на землю. — Разведем костер и подождем утра, смысла дальше идти я не вижу, а шляться по лесу но-

чью — не самая лучшая идея.

— Да уж, особенно когда рядом дикие звери бродят, — кивнул Алексей. — А медведи здесь водятся?

— Откуда здесь взяться медведям?

Алексей передал Анне ребенка и отправился в ельник собирать дрова, Виктор достал из чехла перочинный нож и, срезав несколько кусков коры с березы, кинул их к своему рюкзаку.

— Алексей, подожди меня, не отходи далеко!

Луч фонаря мелькал метрах в пяти от Анны, слышался треск веток и приглушенный разговор. Оставшись в одиночестве, девушка устало опустилась на корточки, давая отдых ноющим рукам. Болело все, не только спина или руки, но и бедра, плечи. Изловчившись, Анна вытянула поврежденную ногу и, не удержав равновесия, села на мокрую кочку. Попыталась подняться, но из-за ребенка, спавшего мертвым сном на руках, не получилось. Обреченно вздохнув, она расслабилась и привалилась спиной к дереву, искренне надеясь, что села не на муравейник.

День закончился, настала ночь, и безумие крепчало. Больше всего в эту минуту Анне хотелось проснуться и оказаться в своей постели, опустить руку с кровати и почувствовать пальцами густую шерсть своей собаки, терпеливо ожидавшей пробуждения маленькой хозяйки. Услышать звук льющейся воды на кухне и бормотание включенного телевизора, крики ласточек и разноголосый хор ребятишек, играв-

ших во дворе.

Голоса спутников постепенно становились глуше, свет фонарика слабел, и в какой-то миг ее пронзила тревожная мысль, что они могут заблудиться, занятые сбором дров для костра. Она попробовала позвать Алексея, но голос ее потонул во внезапно зашумевшей листве, словно сам дух ночи пролетел над лесом, возвещая о скором приближении рассвета. Переставший до этого дождь закапал снова, сбивая с мокрых листьев скопившуюся влагу. С тревогой продолжая следить за маленьким лучиком света, мелькавшем где-то далеко-далеко, девушка в который раз подумала, что им все же следовало оставаться на месте, а не идти непонятно куда по темноте.

На поиски дороги они отправились уже в сумерках. Следуя логике, пошли в ту сторону, откуда автобус заехал в лес, и шли почти три часа, пока не выбились из сил. Даже на максимальной скорости маршрутный автобус проехал бы по лесу метров сто, не больше. Тем не менее они за все время пребывания в лесу не услышали ни одной машины. Их окружал густой лес, в какую бы сторону они ни шли, обнаружить дорогу меж деревьев не смогли. Они заблудились.

И пока Анна думала об этом, сидя на мокрой кочке и ощущая жуткий дискомфорт, она внезапно осознала, что не слышит ровным счетом ничего, кроме биения своего сердца и посапывания спящего на руках ребенка. Ветер, налетевший внезапно, точно так же стих, словно его и не было, дождь

прекратился, изредка крупные капли воды шлепались на листья лопухов.

— Ребята! — собственный голос показался ей чужим. Она прочистила горло и попробовала позвать громче, но голос ее упал практически до шепота. — Ребята, вернитесь...

Она хотела сказать, крикнуть им, чтобы они не уходили далеко, не бросали ее и ребенка одних в темноте, но лес, окружавший их, действовал как-то странно, он был необычным, угрюмым. Ночь ли тому виной или недавний стресс, вызванный аварией и смертями двух людей, но она не могла заставить себя позвать их обратно. Мало ли кто еще может услышать ее? Появилось острое желание сжаться в комочек, прильнуть к земле, слиться с неподвижностью леса, чтобы никто не мог заметить ее, одинокую девушку, державшую на руках ребенка. У нее затряслись губы, еще чуть-чуть, и она заплакала бы. Сжав до боли зубы, Анна огляделась по сторонам, но с тем же успехом могла и не делать этого, все равно ни черта не было видно. Вспомнила о телефоне, попыталась достать его из кармана, чтобы включить фонарик, но не смогла; мокрые узкие джинсы облегли тело как вторая кожа.

Неприятное чувство не давало ей покоя, ощущение присутствия кого-то или чего-то. Едва различимые в темноте стволы деревьев уходили ввысь, прочь от земли к звездам, блестящим в прорехах среди темных туч, вода стремилась в обратную сторону — дождь снова зашелестел в кронах,

— и некто перемещался меж деревьев, бесшумно и до жути близко. Анна почувствовала, как волосы на ее голове встали дыбом, кожу рук и ног покрыли мурашки. Она явственно ощущала присутствие незваного лесного гостя, боясь представить себе, кем или чем он мог быть. Треск сучьев и запах людей наверняка отпугнул бы не только лося, но и любое другое лесное животное. Она помнила, как в седьмом или восьмом классе учитель на уроке ОБЖ рассказывал им о повадках диких зверей. Лисица, лось, а уж тем более медведь в летнее время, заслышав треск и топот продирающегося сквозь подлесок человека, постарается избежать неприятной встречи. Именно поэтому в лесу надо шуметь, наступать на сучья, говорить, смеяться. Только бешенство, голод или внезапный испуг могут заставить напасть зверя, но будет ли животное, больное бешенством, бесшумно кружить вокруг, наблюдать, но не предпринимать попыток напасть?

Анна вжала голову в плечи и представила, как некто незримый подкрадывается к ней из непроглядной темноты... или... вдруг он уже стоит позади нее? От подобных мыслей Анне стало дурно, она невольно сильнее прижала ребенка к себе, и тот проснулся. Недовольно вскрикнув, он заплакал пронзительно и резко, как кричат котята, и этот звук буквально выбросил их обратно в реальность. Тьма отпрянула, всколыхнулась вспугнутая тишина, и остановившееся время плавно скользнуло вперед. Анна машинально нажала на кнопку, включая подсветку, и взглянула на часы. Цифер-

блат по-прежнему показывал каракули, видимо, они все-таки повредились во время аварии. Часы было жалко, они принадлежали отцу, и она практически не расставалась с этой старой «электроникой». Послышался встревоженный голос, и спустя несколько секунд поляну осветил луч фонаря. Виктор бросил большую охапку веток на траву, присел на корточки, взял кору и щелкнул зажигалкой.

— Проснулся? — обратился он к малышу и подмигнул ему. — Долго же ты спал, кролик!

— Мне показалось, что вы очень далеко ушли. Вас так долго не было... — напуганным голосом прошептала Анна и отвернулась, пряча выступившие на глазах слезы.

Вспыхнувший огонь разогнал темноту. Кора с треском занялась, свернулась в трубочку. Мужчина деловито принялся укладывать тонкие еловые веточки на ярко горящую кору, подправляя рукой те, что скатывались в сторону.

— Не бойся, Аня, куда мы денемся, — сказал он и достал из помятой пачки сигарету. — Ты подходи поближе к огню, сейчас согреешься.

А затем достал из своей сумки термос и пакет с бутербродами.

Глава 6

К деревне вышли после полудня. Тропинка вильнула в последний раз, обогнув овражек со стоячей темной водой, вынырнула из-под деревьев на открытое пространство и пропала в густой осоке. Они стояли на границе леса и широкой речной поймы, обильно заросшей невысоким ивняком. На противоположном берегу, скрытые зеленью, виднелись крыши двух домов. Анна облегченно вздохнула и вытерла пот с лица. Вид человеческого жилья внушил уверенность и прибавил силы.

После ночного похода и той жути, которую она себе вообразила, ей удалось поспать у костра часа два, не больше. Заботу о ребенке на это время взял на себя Виктор, дав возможность отдохнуть и Алексею, которого ближе к утру начало мутить. Нога Анну беспокоила, но уже не так сильно, как ночью, а боль в животе после сна практически прошла. Они шли от силы часа три, и за это время ей не пришлось нести малыша. Виктор то брал его на руки, то спускал и позволял шагать рядом. Скорость падала до черепашьей, но они не топились, прекрасно понимая, что в скором времени выберутся к людям, и их непременно отвезут в больницу и окажут помощь. Мысль эта бодрила, равно как и погода; часам к восьми утра ветер прогнал тяжелые тучи, засветило солнце, и когда они вышли к реке, уже заметно припекало.

— Деревня-то заброшена, — вдруг произнес Виктор. — Крыша крайнего дома провалилась внутрь, видите?

Он указал рукой, и только теперь Анна заметила рухнувший ствол дерева, проломивший крышу дома. Тревога, минуту назад отпустившая девушку, приблизилась вновь и нежно обняла ее за худенькие плечи. Девушка тяжело опустилась и села на землю, в голове царил абсолютный хаос. Слишком тихо было вокруг, слишком нетронутой казалась природа для ближнего Подмосковья, буквально изрезанного дорогами и трассами. Алексей во время ночного похода с усмешкой предположил, что они, возможно, умерли, именно этим и можно объяснить происходящее. Посмеялись, но мысль в голове засела. Анна чуть позже вспомнила, что видела похожий фильм о подростках, попавших в аварию. По сюжету они ушли с дороги, развели костер и принялись рассказывать друг другу страшные истории, надеясь, что в столь поздний час кто-нибудь проедет мимо и поможет им. Лишь в конце герои фильма поняли, что умерли, когда вышли к дороге и увидели свою разбитую машину, скорую помощь, полицейских и черные пакеты с трупами.

— В любом случае надо посмотреть, что это за деревушка, — Алексей поднял сумку и рюкзак Виктора. — Неси ребенка, я вещи возьму. Аня, как твоя нога?

— Лучше, — соврала Анна и поднялась, стараясь не наступать на левую ногу. — Дайте мне что-нибудь, я справлюсь.

Виктор махнул на нее рукой и подхватил мальчика, который все это время сидел подле девушки, и пошел следом за Алексеем. Анна поправила рюкзак и заковыляла по высокой, пряно пахнущей траве.

— От деревни по дороге выберемся к трассе или городу, — сказал Виктор. Его слова звучали ободряюще, но Анне почему-то казалось, что он сам себе не верит.

Во время поисков брода через реку они обнаружили мост, вернее то, что от него осталось. Из воды торчали потемневшие обломанные деревянные столбы, а на другом берегу в зарослях крапивы висели покосившиеся перила и несколько досок. Разрушенный половодьем или временем, он одним своим видом уверил людей в том, что здесь уже давно никто не живет. Берега заросли густой, высокой травой, осокой, гигантскими репейниками и крапивой. Не было видно свежих тропок, никто из них не слышал привычных звуков деревенской жизни; не кудахтали курицы, не тарахтел мотор заведенного трактора. Противоположный берег — дикий и притихший — медленно надвигался на них. Анна переходила реку последней, не снимая джинсов и кроссовок. Одежда все равно была волглая и грязная, но девушка в любом случае постеснялась бы раздеться. Вода у берега едва доходила до колен, но ближе к середине реки глубина увеличилась, и в итоге Анна вымокла по пояс. Она остановилась, переводя дух, огляделась и заметила справа от себя метрах в тридцати огромную иву и море кувшинок в заводи, где течение прак-

тически отсутствовало. Река после моста расширялась и делала плавный поворот, скрываясь из виду.

Вид некогда жилых, а теперь полуразрушенных строений вызывал смешанные чувства. Когда-то здесь жили люди, в окнах с белоснежными занавесками на подоконниках стояли цветы в горшках, звучали голоса и играла музыка. Во дворе деловито возились курицы, хозяйки гремели утварью возле плит, готовя обед, а ребятишки крутились под ногами и активно им мешали. По вечерам в окнах горел свет и освещал тропинку, ведущую к реке, цветущие астры в палисаднике и золотой шар. Позвякивая цепью, в соседнем доме без устали брехала собака.

Теперь же дома стояли пустые. Анна поежилась, вид запертых глухими ставнями окон напугал ее. Покосившиеся плетни местами еще держались, в огородах густо росли лебеда и крапива высотой метра полтора, если не больше, среди них виднелись, словно островки в море, плодовые деревья, яблони и груши. Крышу крайнего дома, стоявшего справа — на вид самого целого из трех, — местами покрывала листва и мох. На узкой дорожке перед заброшенными домами росли молодые дубки и березки. Судя по всему, здесь уже давно никто не проезжал и не проходил.

— Я осмотрю соседние дома, — сказал Алексей, бросил сумку в траву и откинул капюшон с головы.

— Хорошо, только осторожно. В зарослях можно не заме-

тить и запросто провалиться в старый колодец. Ухнешь метров на десять и переломаешь ноги. — Виктор огляделся и мрачно добавил: — В лучшем случае.

Анна обошла густые заросли бузины и шагнула к крылечку ближнего дома, но Виктор поймал ее за руку.

— Стой, сначала я проверю, — он опустил на землю ребенка и обошел девушку. — Присмотришь за ним?

Анна взяла за руку мальчика и отошла в сторону, бросив взгляд на окна соседнего дома с выломанными ставнями, искренне надеясь, что в проеме не мелькнет тень или еще какая-нибудь жуть, как происходит во всех фильмах ужасов.

Тебе потом никто не поверит, не так ли? Пока сами не столкнутся нос к носу с призраком прежнего жильца...

— Давай подождем дядю тут, — сказала она мальчику и вдруг вспомнила, что хотела угостить его, да забыла. Сунула левую руку в карман толстовки и достала карамельку. — Держи, кролик. Вишневая!

Мальчик молчал. Он нерешительно протянул руку и взял конфету, но не стал ее разворачивать и есть, как это обычно делают в его возрасте дети. Он сжал ее в кулачке и вновь посмотрел вслед уходящему Алексею. Оранжевая куртка юноши мелькнула и исчезла за кустами. Анна перевела взгляд на малыша и ей стало не по себе из-за пятен крови на его футболке.

Алексей медленно брел по заросшей узкой дорожке, с удивлением осматривая крошечную деревушку. Крайний

дом, стоявший особняком у самой опушки леса слева, выглядел не лучше своего соседа. Приблизившись к нему, Алексей наткнулся в траве на сломанные доски и заглянул в окно. Красивые резные ставни он видел в детстве, когда гостил в деревне, но там они служили скорее декоративным украшением, их и закрывали-то редко, если только уезжали надолго. Они фиксировались на стене маленькими крючочками, чтобы не хлопали на ветру и не разбили стекла, и открывались наружу. Здесь же ставни, судя по толщине досок и запорам, служили для защиты.

Обойдя дом, Алексей не решился зайти внутрь, потому что пол прогнил и показался ему ненадежным. Он осмотрел небольшие захламленные сени, снял со стены какой-то непонятный деревянный предмет и, повертев его в руках, повесил обратно, рядом с мотком веревки и пучками сушеной травы. В другом доме ничего интересного не обнаружилось, кроме старого тряпья и деревянной посуды, разбросанной по комнате.

Между не знавших краски и потемневших от дождей бревен торчала пакля и свернутая березовая кора, на грубо отесанных досках крыши обильно рос мох. Ни сами дома, ни окружающий их лес Алексею категорически не нравились. Ему хотелось как можно скорее уйти отсюда. Он не понимал причины охватившего его беспокойства, но шестое чувство било в набат, кричало, что им следует незамедлительно идти дальше. Вот только куда?

Идти было некуда, это стоило признать. Как и то, что с этим местом что-то не так. Он удивился бы, поделись своими переживаниями с Анной или Виктором, потому что они думали и чувствовали то же самое. Алексей вернулся на дорожку, отряхнул джинсы от пыли и оглядел берег реки, будто ожидал увидеть там кого-то. Того, кто преследовал их ночью? А может, виной всему его обычная подозрительность? Обычная заброшенная деревня, каких полным-полно не только в Подмосковье, но и по всей России. И тут же второй голос напомнил ему о ночном разговоре. Возле костра, когда они, съев бутерброды и выпив теплый чай, долго сидели молча, пока Виктор не начал говорить. Его смущало отсутствие гула со стороны шоссе, который обычно слышен в любое время суток за несколько километров. Разве такое возможно? Они заблудились, шли всю ночь не в том направлении, но они в пятидесяти километрах от Москвы, а не в глухой тайге.

Юноша подумал о родных и вздохнул, прекрасно понимая, что отец уже наверняка поднял на уши все отделение полиции. Алексей должен был вернуться домой вчера в десять часов вечера, в доме по случаю дня рождения его матери собрались гости, и его попросили не задерживаться после тренировки. Алексей вспомнил, что хотел на обратном пути заскочить в цветочный магазин и купить своей маме букет алых роз. И вот какой подарок он в итоге приготовил ей.

Тем временем Виктор, проверив крыльцо на прочность,

пытался открыть дверь, но она никак не поддавалась. До Анны донеслись приглушенные ругательства и скрип досок.

— Да что они, изнутри закрыли ее, что ли... — дернув еще раз, Виктор спустился с крыльца и подошел к окну. — Придется попробовать здесь.

— А тут точно никто не живет? — спросила Анна и, обернувшись, заметила Алексея, стоявшего неподвижно метрах в сорока от них.

— Нет, дома заброшены. Судя по состоянию... — он замолчал и обвел взглядом деревушку. — Судя по состоянию домов, здесь уже много лет никто не живет.

Дома были необычные, скорее даже не деревенские крепкие пятистенки, а ладно сработанные лесные хижины. Только вот это самая настоящая деревня, пусть и маленькая, а Виктор никогда не видел, чтобы охотники строили свои хижины вот так, не берегу реки, да ещё в таком количестве. И что здесь делать охотникам? Стрелять ежей да белок? *Не восемнадцатый же век на дворе, ей-богу*, подумал он и заглянул сквозь щель внутрь дома.

— Низкие потолки, низкий дверной проем и маленькие окна, — разговаривая сам с собой, Виктор спрыгнул обратно в траву и обошел дом. — Удивительно!

Он пробрался через густые заросли крапивы к окошку с поднятыми руками, чтобы не обжечься. Со стороны огорода ставни оказались не запертыми. Виктор оперся руками о подоконник, заглянул и забрался внутрь.

— Добро пожаловать, как говорится, — сказал он спустя минуту, отворяя дверь. — Заходите, полы крепкие, все в очень даже неплохом состоянии, учитывая, что дом много лет не топился зимой... Только головой не стукнись, Аня, проем низкий.

Зайдя внутрь, Анна увидела маленькую комнату, типичную для деревенского дома, но с небольшими оговорками. С правой стороны, почти примыкая к стене, находилась небольшая печь, расположенная устьем к фасаду. В углу стояли черенки, на вбитых в бревна колышках висели какие-то заскорузлые тряпки. Рядом с печью на покосившейся деревянной полке стояла кухонная утварь: помятый ковшик, кастрюльки, большие деревянные ложки и скалка лежали горкой на высохшем полотенце. Под скамейкой стоял рассохшийся бочонок и железный с облупившейся эмалью ржавый таз. Грубовато сбитые деревянные полы покрывал густой слой пыли, меж двух окон, выходящих на реку, находился грубо сколоченный стол, рядом валялась опрокинутая скамья. Пахло слежавшейся пылью и мышами.

Виктор осматривал запоры на ставнях, временами хмыкая. Он открыл окна, впустив в застоявшийся воздух запертого дома свет и свежий ветерок. Отодвинул заслонку, заглянул в непривычно маленькое устье и вытащил чугунок.

— А могла быть и курная, — задумчиво сказал он, поставил чугунок на место, поднял скамейку и, стряхнув с нее пыль, сел.

— Какая? — спросила Анна, с удивлением разглядывая единственную комнатку заброшенного дома.

— Это изба, которая топилась по-черному, — пояснил Виктор. — В ней отсутствовала труба, дым из печи поступал в жилое помещение.

— И как люди жили в таких домах? Сажа везде и... как они там дышали?

— Да нет, Аня, дым скапливался под потолком и уходил в волоковое окно с задвижкой, а далее в дымник... Вплоть до XIX века не только на Севере, но и по всей России строили исключительно курные избы. Проще, да и экономия на топливе. Дверные проемы делали низкими, окна — маленькими. Зимой протопить деревянный дом сложно, он быстро выстуживается. Это вам не газ, включил котел и забыл. С вечера надо наколоть щепы на растопку, да сложить в печь, чтобы высохли до утра. Пока топится печка — тепло, даже жарко, а потом температура быстро опускается... Помню, рано утром из кровати вылезать не хотелось, дома температура опускалась до пятнадцати градусов. Мамка будит в школу, а вставать не хочется... — он помолчал, улыбнулся своим мыслям и вдруг без какого-либо перехода добавил: — А ты знаешь, почему в Англии так много зданий с заложенными оконными проемами?

Анна посмотрела на него и пожала плечами.

— Я не знаю. Может, архитектурская задумка такая?

— Нет. Дело в том, что раньше в Англии существовал на-

лог на окна. Да-да, не смейся. Это же мостик холода, — сказал Виктор, доставая сигареты из кармана рубашки. — Это такие места, через которые в дом проникает холод. Двери, стыки и, разумеется, окна. Чем больше окон, тем сложнее и дороже отапливать помещение. В Англии красивые дома с окнами могли себе позволить только богатые люди, а народ победнее нашел выход и закладывал оконные проемы кирпичом, чтобы сэкономить.

Осмотрев еще раз стены и запоры на толстой двери, он вышел из дома, насвистывая какую-то знакомую мелодию. Анна продолжала с любопытством разглядывать небольшую комнату. Увидела на подоконнике коричневый треснутый горшок с засохшим цветком, подошла, дотронулась до стебля, и листья, шурша, упали на пол. Память тут же услужливо вернула ее в прошлое, она вспомнила летние каникулы, которые проводила в деревне. Такая же речка рядом с домами, лес, где она собирала землянику и нанизывала спелые ягоды на травинки, а затем дома делала мороженое по рецепту бабушки: тщательно разминала ложкой лесную землянику с садовой клубникой в чашечке, добавляла холодные сливки и засыпала все это сахаром. Вкус и аромат она помнила до сих пор... Как и алую герань и алоэ в горшках на деревянном подоконнике в перекрестье старых, с облезлой белой краской рам, чугунок с ухой в печи, сваренной из наловленных утром ершей, ароматная зелень с грядки. При мыслях о еде девушка вдруг осознала, что она очень голодна. Живот тяну-

ло, рот тут же наполнился слюной. Земляника, сливки, горбушка свежего горячего хлеба с хрустящей корочкой, сало с чесноком и прослойками мяса, пересыпанное крупной солью и хранившееся завернутым в тряпочку. Бабушка доставала его из морозилки гудящего старого «ЗИЛа» и строгала огромным ножом.

— Дура я, — чуть слышно буркнула девушка и, опершись рукой о подоконник, выглянула наружу. — Алексей, нашел что-нибудь?

— Нет, а что тут у вас? — ответил он, обходя густые заросли.

— Дом какой-то маленький и странный.

— И в чем заключается его странность?

Анна повернула горшок, и последние листочки упали на подоконник.

— Это не деревенский дом, а краеведческий музей какой-то, — промолвила она и усмехнулась. — Ухват возле печки стоит, другие непонятные вещи... цветок забыли полить. — Она показала на засохший прутик в горшке. — Что там в соседнем доме?

— Примерно то же, что и здесь — краеведческий музей. Я не стал заходить внутрь, ствол дерева проломил крышу, а стены покосились, — хмуро сказал Алексей и оглянулся. — А где Виктор?

— Вышел только что. Открыл дом, нас впустил и ушел почти сразу. Ему пришлось залезть через окно, дверь была

заперта изнутри.

Алексей встал на завалинку и заглянул внутрь дома.

— Это тебе, — он протянул Анне маленький букет ромашек. — А жильцы?

— Ой, спасибо, — пряча внезапное, но приятное смущение, девушка отвернулась. — Какие жильцы?

— Дверь была закрыта? — задал он встречный вопрос.

Анна кивнула и, хромая, направилась к печке, на которой за потрепанной занавеской из грубой дерюги, лоснившейся от бесчисленных прикосновений, обнаружился ворох старых вещей.

— Да, заперта. Слушай, а тут еще одежда старая и валенки! Подумать только, я последний раз видела валенки в детстве. Мы с девчонками ходили на речку зимой, там была крутая горка такая и...

Но Алексей, казалось, ее не слушал и продолжал рассуждать, обращаясь скорее к самому себе.

— Виктор забрался через окно, говоришь? Другие ставни на окнах были закрыты, а то, что выходит на огород и в сторону леса, — открыто. Значит, кто-то выбрался из дома через окно. Дверь-то кто запер?

— Уйти-то он ушел, да только неизвестно куда. — Виктор подошел к дому, сел на крошечную скамейку под окном и достал пачку сигарет. — Странно все это, очень странно... Ничего не замечаете?

— А что такое?

Анну насторожил разговор, она посмотрела на Алексея, но тот молчал.

— Нет столбов линий электропередач, отсутствует проводка в домах, розетки, выключатели.

— Может, тут старообрядцы жили? — задумчиво пробормотала Анна, выглядывая из окна, за которым буйно разрослась бузина, и представила людей в странных одеждах, пляшущих вокруг костра. — Или представители неоязыческого религиозного движения... каждый сходит с ума по-своему.

— Откуда здесь взяться старообрядцам?

— Рыбаки? — предположил Алексей.

— Им здесь тоже делать нечего. Это не Енисей и не Волга, где можно ловить рыбу в промышленных масштабах. Тут постарались либо реконструкторы, либо дома строили для съемок фильма. Построили крошечную деревушку, отсняли материал, а домики бросили, как это часто бывает. — Виктор замолчал, затянулся и, прищурив от дыма глаза, посмотрел на стоявшего рядом парня. — Если бы я был мистиком, то я бы тебе, Алексей, поверил, когда ты сказал, что мы... Ладно, ерунда все это. Давайте остановимся здесь.

Анну пробрал холод, смутная догадка мелькнула в голове.

— Мы что, останемся здесь ночевать?

— А есть варианты, Аня? Либо проведем ночь под крышей, либо в лесу под дождем. Смотри, тучи опять собираются. Кстати, я прошелся по улице, если ее так можно назвать, и уперся в лес. Там есть заросшая тропка, но ни следа ма-

ло-мальски приличной дороги. Чертовщина какая-то...

— Нас скоро найдут, — продолжала гнуть свою линию Анна, и Виктор поспешил с ней согласиться.

— Обязательно, но пока нас не нашли, лучшего места для ночевки не придумаешь, а завтра вернемся к автобусу. Мы просто заблудились и пошли не в ту сторону.

Анна страдальчески поморщилась и отвернулась, разглядывая свои уже не настолько белоснежные кроссовки, какими они были вчера.

— Я вся грязная, черт, — в сердцах бросила она. — Кроссовки и джинсы сырые насквозь, и мальчишка заболит, если его не переодеть.

— Сходи и умойся на речку, пока мы будем разводить огонь в печке. Возьми одежду мальчика и постирай, пожалуйста, она быстро потом высохнет. Алексей, — обратился Виктор к парню, — пойдем проверим, есть ли тяга. Труба целая, так что проблем с растопкой, скорее всего, не возникнет.

Деревянное крыльцо проскрипело, в дом следом за Виктором вошел Алексей.

— Слушай, Аня, у меня с собой есть сменная чистая одежда, спортивные штаны и футболка. Я ж на тренировку ехал... могу поделиться.

Анна вздохнула и обреченно кивнула. Обхватила себя руками и обернулась, ища глазами ребенка. Мальчик — потерянный и испуганный — стоял на том же месте, где его оставила девушка, когда вошла в дом. Русые волосы торчали

в разные стороны, густая челка почти закрывала глаза. Он неподвижно стоял возле двери в своей жуткой окровавленной футболке с принтом улыбающегося Винни-Пуха и смотрел на Анну.

— Красивая футболка, кролик, — Анна приблизилась к ребенку, с трудом села на корточки и погладила его по хуленькой ручке. — Тебе ее мама купила?

Мальчик не ответил. В его глазах помимо растерянности и усталости читался страх. Анне внезапно стало безумно жаль этого несчастного мальчишку, который лишился своей мамы каких-то двадцать часов назад. Пока они брели по лесу, искали дорогу, пока не выбрались к этой затерянной в лесу деревушке, подобные мысли ее не посещали. Девушка обняла его и почувствовала, что сейчас заплачет, потому что подумала о своей маме. Крепко зажмурилась, но это ее не спасло. Вытирая выступившие слезы тыльной стороной ладони, Анна отстранилась и взглянула на малыша.

— Меня зовут Аня, а тебя?

Мальчик продолжал неподвижно стоять, опустив ручки по швам, словно оловянный солдатик, и молчал. Лишь тарасил большущие испуганные глаза на девушку.

Расположились на ночлег в доме. Пока остальные обустроивали спальные места, Виктор, морщась, сидел на крыльце и курил. Плечо ныло и дергало, как старый зуб, периодически начинающий болеть и с которым ты собираешь-

ся отправиться в стоматологию, да вновь откладываяешь, стоит боли немного утихнуть. Он потряс хлипкие перила и покачал головой, выпустив облачко табачного дыма в вечерние сумерки. Само крыльцо сложно было в прямом смысле назвать крыльцом, так, вкопанные еловые столбики с грубо отесанными досками. И еловая палка, заменяющая перила, прибитая к бревнам с одной стороны и воткнутая в землю с другой.

Он докурил, поднялся и направился к реке умыться, мысленно называя себя ослом. Зачем, говорится, он возвращался домой? Потому что забыл свой перочинный нож. Черт бы его побрал... Он до мельчайших подробностей помнил, как остановился на тротуаре, пропустил мальчишку в оранжевой куртке и проверил боковой карман сумки. И подумал, что обойдется один день без своего любимого ножа, дернулся идти дальше, но привычка решила исход дела. Он развернулся и чуть не столкнулся с низенькой девушкой, которая бежала, уткнувшись в свой смартфон, и зашагал обратно к подъезду.

В больнице прием посетителей в будние дни осуществлялся до восьми часов вечера, и Виктор, заходя в подъезд, уже придумывал, что скажет жене в свое оправдание. Он обещал приехать сегодня пораньше, но сначала его задержали на работе, а потом он опоздал на автобус. Пока гладил рубашку, пока делал ей бутерброды и заваривал чай в термосе... она сама попросила принести ей в больницу чего-нибудь вкус-

енького. Как раз то, что нельзя есть при панкреатите... а опоздать минут на двадцать, в сущности, ерунда, правда?

Он поднялся на третий этаж, мысленно отметив, что курить пора бросать. Всякий раз, задыхаясь от быстрой ходьбы или поднимаясь по лестнице, он клялся, что завяжет с сигаретами раз и навсегда, но время шло, а курить он так и не мог бросить. Он зашел в квартиру, скинул ботинки и направился в свою комнату, где на столе рядом с разобранным старым советским радиоприемником лежал его перочинный нож в кожаном чехле. Нож, который вскоре будет валяться в лесу на стылой земле с окровавленным лезвием, тускло поблескивая в сумерках латуню на рукояти возле бездыханного скрюченного тела девушки в задранной до шеи грязной толстовке...

Перед тем как выйти, он посмотрел в зеркало, поправил воротник выглаженной утром рубашки. Он знал, что Вика непременно сделает ему замечание, если он явится к ней в мятой одежде. Она щепетильно относилась к внешнему виду и ни в чем не терпела неряшливости. Их единственный девятнадцатилетний сын учился в Петербурге и, вырвавшись из цепких материнских рук, первым делом сменил гардероб: избавился от шерстяных брюк и ненавистных рубашек с короткими рукавами. Недавно он прислал Виктору несколько фотографий с концерта какой-то рок-группы, где он в компании с очаровательной миниатюрной блондинкой позировал на фоне сцены, показывая «козу» правой рукой. Другой,

отметил про себя с улыбкой Виктор, разглядывая снимок на телефоне, он обнимал девушку за талию. *Хорошо*, подумал он тогда, *что мама не увидит эти драные на коленках джинсы и кеды с развязанными шнурками, сынок!*

Он еще раз быстро окинул себя придирчивым взглядом, похлопал руками по карманам, проверяя, на месте ли зажигалка и сигареты, достал смартфон и набрал короткое сообщение: «Немного опаздываю, люблю!» А затем вышел из квартиры, чтобы больше в нее не вернуться.

Глава 7

В мерклом свете густеющих сумерек предметы лишились четких очертаний и сливались с тенями. На востоке небо, поливавшее дождем землю почти четырнадцать часов без остановки, вновь затягивали облака.

Спальное место Алексей устроил для себя прямо на полу, подложив под голову рюкзак, Виктору досталась скамья, достаточно широкая для того, чтобы на ней удобно было спать. Анна же устроила спальное место для себя и ребенка на печи, постелила найденное тут же одеяло и поправила шторку, вытащила из дома остальные вещи и бросила их возле крыльца. От них шел неприятный спертый запах, и Анна вспомнила чердак деревенского дома бабушки и дедушки, где пахло точно так же: слежавшейся пылью, годами копившейся на балках и ящиках, набитых всяким ненужным хламом, изъеденной молью одеждой, плесенью и мышами.

Анна усадила ребенка на печку и помогла ему раздеться. Ей самой нестерпимо хотелось искупаться, она чувствовала грязь, кожу стягивал высохший пот, да и сырая одежда комфорта не прибавляла. Девушка, смущаясь, напомнила Алексею о его предложении. Парень охнул и тут же вытащил из сумки сменную одежду.

— Извини, совсем из головы вылетело. Держи, только штаны тебе по размеру не подойдут, да и футболка... но зато

они чистые.

— Это главное, — Анна взяла одежду, — спасибо тебе большое.

Она украдкой оглянулась на Виктора, возившегося возле печки, и шепотом добавила:

— Я пойду умоюсь, последи за мальчиком, пожалуйста.

Алексей кивнул.

— Послежу.

— Я быстро... — Анна постояла в нерешительности несколько секунд, скомкав в руках вещи Алексея, а затем захромала к выходу. — Я быстро.

Она вышла на крылечко и огляделась. Было очень тихо, лишь со стороны реки доносились мягкие звуки журчания воды да размеренное кваканье лягушек, тянуло стоялой сыростью. Воздух наполнился тем умиротворяющим душу спокойствием, какое можно ощутить лишь на природе, вдали от городского шума. Пахло прогретым на солнце старым деревом, покрытым желто-серым лишайником. Деревушку от посторонних глаз скрывали густые заросли лещины и черемухи, возле дома, примыкая вплотную к стене, рос большой раскидистый дуб. Это место напомнило ей родную деревню.

Ане вновь десять лет, она вернулась домой с прогулки. Платье порвано (она зацепилась за сучок), испачкано илом и зеленью сочной июльской травы. За это ей попадет, но не сильно, поэтому девчонка не переживает. Вместе с соседскими ребятами они весь день строили возле реки в зарос-

лях шалаш; носили доски со старой лесопилки для настила, ломали ветки и закидывали ими крышу. Острые, ободранные коленки торчат у самого подбородка, маленькая Аня сидит на крыльце и ждет, когда ее позовут ужинать, но мысли вихрем уносят ее в завтрашний день. У них запланировано еще много интересных игр, на которые не хватит и целого лета. Угольно-черные волосы растрепаны и падают на большие, не по-детски задумчивые карие глаза, на исцарапанных грязных пальцах сгрызенные до корней ногти, — черновой набросок юной и нескладной девочки, которой еще предстоит вырасти в красивую женщину.

На ладони лежат спелые, бордовые вишни. Она ест ягоды, прислушиваясь к голосам, доносящимся из распахнутой настежь двери, и выплёвывает косточки в траву. *Амели на мели*, подумала девочка и повесила соединенные черенками вишенки на ухо. Громко жужжа, из цветущей красно-желтым пламенем мальвы вылетела бронзовка, Аня дернулась поймать жука, но остановилась; уж больно хорошо было неподвижно сидеть на старых ступеньках с облезшей краской и смотреть на сад, наполненный до краев вечерним мягким светом заходящего солнца. Ветви яблонь клонятся под тяжестью зреющих плодов, бросают тени на лицо Ани. В другое время она кошкой рванула бы с места, поймала бронзовку и посадила в спичечный коробок, и вечером перед сном, лежа в кровати, слушала бы, как тот скребется, пытается освободиться из плена, но не сейчас. Девочка проводила

его взглядом и съела последнюю вишенку. Кто-то крикнул на улице и засмеялся, голос детский, незнакомый. В будке лениво твякнула старая — старше Ани лет на семь, если не больше — собачка Жужа и затихла.

— Аня, иди и мой руки, мы садимся ужинать.

— Хорошо, ма!

Аня подскакивает и влетает в дом, пугает трехцветную кошку, умывавшуюся в коридоре, и игнорирует просьбу матери. Она здорово проголодалась, весь день их шумная компания питалась исключительно щавелем и зелеными, кисло-горькими яблоками. Оставляя за собой грязные следы босых ног на выкрашенном коричневой краской полу (будто по дому метался безумный ученый Гриффин), девочка садится за стол и упирается кулачками в щеки.

— Аня, посмотри на себя! — всплескивает бабушка руками и перебрасывает полотенце с плеча на спинку стула, пропуская мимо себя Полину с полной тарелкой супа. — Если ты сию же секунду не умоешься, я тебя оставлю без ужина. Поля, скажи ей!

— Аня, бабушка тебе что сказала?

— Ну, ма!

— Никаких «ну» и «ма», мигом!

Вздыхнув, Аня в мгновение ока перенеслась на восемь лет вперед и превратилась из нескладного, угловатого ребенка, с тонкими и длинными ногами, как у аиста, в симпатичную девушку. Лишь непослушные пряди волос так же падали на

лицо. Ее не покидало тревожное чувство дежа вю. Анна заглянула через плечо в комнату, где Алексей возился с малышом и пытался разузнать его имя, но мальчик упорно молчал.

Осторожно, боясь оступиться, Анна обогнула густо разросшийся на берегу реки ольшаник и спустилась к воде, где виднелась песчаная коса. Скинула тяжелые, мокрые кроссовки, осмотрела опухшую лодыжку и осторожно ступила на прохладный берег. Огляделась, села на песок и не торопясь выкурила сигарету. В конце концов, все деревни похожи друг на друга, а здесь вдобавок и река находилась под боком, лес. Думать обо всем, что с ними произошло, где они и что делать дальше совершенно не хотелось. Ей хотелось только смыть с себя вместе с грязью и потом прошедшие сутки, поесть и лечь спать. При мыслях о еде желудок сердито заурчал. Девушка затушила окурок, поднялась и чуть не упала — закружилась голова.

Она некоторое время наблюдала за тропой и берегом реки и, убедившись, что никто из мужчин не спускается к речке, разделась, оставшись в нижнем белье. Темнота, хлынувшая в речную долину после захода солнца, в мгновение ока изменила окружающую природу. Девушка посмотрела на противоположный берег, и в какой-то миг ей показалось, что все — деревья, берег, небо — потеряло цвет, стало черно-белым, как будто она попала на другую планету. Тревога усилилась, она схватила одежду и замерла, борясь с желанием

броситься к дому, но необходимость побыть одной и привести себя в порядок побороли страх. Она наблюдала за собой со стороны, видела одинокую, маленькую фигурку девушки, сидящую на корточках у кромки воды. Задумчивая, притихшая, та полоскала вещи ребенка... При виде темных пятен на футболке малыша и на мутную розоватую воду, ее замутило. Кровь засохла, и полностью отмыть ее никак не получалось. Анна несколько раз прополоскала джинсы, маленькие, полосатые носочки и футболку. Вспомнила мертвую женщину на поляне, ее страшный, пустой взгляд и разорванное платье с темными пятнами крови. Она до сих пор лежит там, под куском брезента, если место аварии не обнаружили сотрудники полиции. Успела ли она подумать о чем-то, перед тем как... небытие поглотило ее?

Девушка застыла, включила камеру, представляя по привычке, что снимает фильм, и сознание мгновенно перенесло ее на несколько километров от заброшенной деревни. Тихое, размеренное жужжание камеры успокаивало, переносило на пленку то, что представляла в своей голове Анна. Она воочию видела поляну посреди притихшего леса, лежащий на боку автобус и два трупа под непромокаемым брезентом. Его длины оказалось недостаточно, из-под ткани торчали ноги в мокрой обуви, — мужские в стоптанных серых кроссовках и чуть в стороне женские. На ней осталась одна босоножка, вторая слетела во время аварии. Ее Виктор нашел в густой траве и положил вместе с личными вещами под брезент.

Вокруг ни души, лишь мерцающие на темнеющем небе первые звезды с безразличием серебрили примятую траву. Бледный свет дробился в осколках стекла и двигался, медленно перетекая вместе с движением планеты. Из темноты салона выглянул плюшевый медвежонок. Анна, продолжая сидеть на берегу реки, вздрогнула и чуть не упала в воду. Показалось, что плюшевая игрушка ожила и в следующую секунду повернет мордочку в сторону невидимого наблюдателя, поднимет лапку и махнет ему как старому приятелю. Нет, это просто игра света и тени, да разыгравшееся воображение. *Нет*, поправила она себя, *не совсем так*. Мысль и ночь, сплетаясь воедино, рождают жуткую реальность, которой не место в материальном мире. Это то, что называют иррациональными мыслями, которые... Кто-то вполне реальный проник в полет фантазии девушки. Постоял некоторое время на краю поляны, прячась в густых зарослях. Анна скорее почувствовала, чем услышала, как некто, явившийся из леса, приняховивался. Затем двинулся по серебряной от лунного света траве, бросая длинную тень на автобус. Исчез медвежонок, съежился от страха. Существо чуть слышно проворчало что-то нечленораздельное, а затем медленно стащило презент с мертвеца.

Раздался внезапный треск — закончилась пленка. Картинка смазалась, запрыгала и исчезла. Анна вздрогнула. Оглянулась, потрясла головой, и наваждение растворилось в сумерках. Быстро простирнула и выжала вещи, морщась

от боли — место пореза на ладони дергало и горело. Девушка осторожно сняла мокрую повязку, боясь увидеть там потемневшую и опухшую кожу, но все оказалось не настолько плохо. Осмотрев порез, Анна подумала, что перед сном его стоит еще раз обработать. И лишь после этого залезла в реку, наслаждаясь теплой, как парное молоко, темной водой. Медленное течение увлекало ее за собой, манило в глубину, но девушка не стала заходить далеко, наспех отмыла грязь с кожи, выбралась из воды и села на валявшуюся на берегу корягу.

Глядя на реку, где в заводи, как овечки у загона, толклись цветущие кувшинки, Анна вспомнила картины Клода Моне. «Кувшинки» — цикл из приблизительно двухсот пятидесяти картин французского художника-импрессиониста, который он создавал на протяжении тридцати лет, пока не ослеп. Анна, глядя на игру света и тени и на водяные цветы, невольно пожалела творца. Потерять зрение для художника — равносильно смерти. Потеря зрения для любого человека вообще вещь страшная, но для художника? Относительно недавно она начала интересоваться живописью, ходила в музеи и читала биографии знаменитых художников. Ей нравились работы Васнецова, Серова и Врубеля, но «Пан» последнего нагонял на нее такой страх, что девушка всякий раз с замирающим сердцем проносилась мимо картины, ощущая спиной взгляд водянистых и блестящих глаз древнегреческого бога лесов, пастухов и охоты. Врубель под конец жизни сошел с

ума и тоже ослеп. Последние годы художник пребывал в собственном мире галлюцинаций, о которых изредка и весьма пространно рассказывал окружающим.

Она поднялась, огляделась, — не идет ли кто? — надела футболку Алексея, доходившую ей почти до колен, сняла мокрые хлопчатобумажные трусики, лифчик и натянула спортивные штаны. *Выгляжу со стороны как чучело*, подумала Анна, подхватила сырую одежду и пошла к дому, на ходу оглядываясь: ей казалось, что существо, которое она вообразила, почуяло ее присутствие и теперь, продираясь сквозь густой подлесок, мчится по направлению к деревне.

Она крутилась, пыталась улечься поудобнее, с отчаянием думая о том, что не сможет уснуть в грязи и с бегающими рядом по бревенчатым стенам пауками. Несмотря на постеленное одеяло, лежать было жестко и неудобно. И вообще, их поведение — странное, решила она. Разве бывает так в жизни? Сутки назад она собиралась на прогулку в Москву, потом случилась авария, они заблудились и оказались в заброшенной деревушке, а теперь рядом с ней на печи лежит ребенок, мать которого умерла...

— Вы спите?

— Нет, — ответил Виктор. — Что случилось?

Анна поколебалась секунду.

— Тут бегают пауки — сказала она и услышала, как хихикнул Алексей. — Ничего смешного, я очень их боюсь.

— Спи спокойно, пауков тут нет, я проверял.

Он лег, но Анна не желала засыпать.

— А вы закрыли дверь?

Виктор вздохнул, молча встал и прошлепал босыми ногами до двери. Анна услышала, как лязгнул металлический засов. Виктор лег и сказал:

— Закрыл.

— Спасибо!

До этого момента молчавший Алексей сонно пробормотал:

— Думаешь, кто-то может прийти сюда посреди ночи?

— Просто с закрытой дверью спокойнее спать, разве нет?

— Согласен, — встрял Виктор. — Давайте спать, мы столько всего пережили за последние сутки. Нам всем надо как следует отдохнуть, завтра отправимся обратно на поиски дороги.

Вскоре дыхание Анны стало глубже и ровнее, Алексей что-то пробормотал во сне и застонал, но тут же затих. Виктор лежал в темноте, его терзали мысли и не давали уснуть. Он поднялся, осторожно перешагнул через спящего Алексея и сел за стол. Открыл ставни, впустив в дом ночную прохладу, достал сигарету и закурил.

Предположим, что я окажусь прав, и мы с Алексеем завтра часам к пяти вечера вернемся к автобусу и найдем эту проклятую дорогу. Девушку с ребенком придется оставить здесь, в доме, потому что идти она точно не сможет.

Перед сном он обработал рану на ее руке и осмотрел лодыжку. Растяжение оказалось сильнее, чем он думал изначально, к тому же ходьба усугубила травму. Мальчика они оставят с ней, потому что им необходима скорость, а его плечо не позволит долго нести парня, равно как и Алексею с его травмой. Он размышлял и успокаивал разбушевавшуюся совесть, убеждая себя, что с девчонкой и мальчиком в их отсутствие ничего не случится. Виктор не заметил, как сигарета сгорела, стряхнул пепел со стола и выбросил в раскрытое окно окурок. Сноп искорок взорвался в непроглядной, наполненной шелестом дождя темноте. *Угораздило же их заблудиться в трех соснах... Но на то и лес, место странное.* Он вспомнил историю, рассказанную его дедом. Будучи опытным охотником, тот умудрился заблудиться, несмотря на то, что знал окрестные леса как свои пять пальцев. И нашли его лишь на третьи сутки. Оказалось, он бродил кругами по одним и тем же местам, но, по его словам, не мог выбраться из чащи, потому что его кружил леший. В лесах Удмуртии действительно можно запросто заблудиться и проплутать не один день. Он и сам однажды отправился в пеший поход вдоль реки Кылт с приятелями, и в итоге они... Его размышления прервал резкий звук, раздавшийся снаружи дома. Показалось, что кто-то прошел по двору.

— Там кто-то ходит, — пробормотал Алексей. — Слышите?

Виктор притворил ставни и накинул крючок.

— Я думал, ты спишь.

С печки раздался шепот:

— Я тоже слышу. Кто это там ходит, а?

Виктор усмехнулся.

— Не удивлюсь, если это топают ежик, они очень шумные.

Давайте спать уже, спокойной ночи.

Анна долго лежала без сна, но так ничего больше не услышала. Алексей рассказал короткую историю о том, как они отдыхали в Краснодарском крае, отправились в поход, а ночью к ним пришли еноты, перепугали девчонок и съели все припасы. Посмеявшись, они еще какое-то время поговорили о пустяках, и Анна немного успокоилась. Вскоре Алексей и Виктор уснули, Анна слушала тишину, такую же густую, как и тьма за стенками дома, и сама не заметила, как провалилась в беспокойный сон, наполненный шорохами и стуками.

Глава 8

Проснулась Анна около шести часов утра из-за того, что замерзла. Тихо, стараясь никого не разбудить, она с трудом слезла по приступке с печи, прошла мимо спящих крепким сном мужчин, отодвинула засов на двери и вышла во двор. Утро выдалось пасмурным, небо сплошь затянуло серыми плотными облаками. Воздух пах сыростью, день обещал быть дождливым. Анна босиком сбегала в туалет, а затем выкурила сигарету, зябко кутаясь спросонья в волглую толстовку и поджимая по-журавлиному левую ногу. Земля за ночь остыла, августовское солнце грело уже не так сильно. При мысли, что им сегодня предстоит идти дальше, Анна тяжело вздохнула и посмотрела на отекающую ступню. Она понимала, что надеть кроссовок на ногу не сможет, любое прикосновение к ней вызывало резкую боль. Вернувшись в дом, она забралась на печь досыпать, но вспомнила, что забыла запереть дверь.

Анна, злясь на себя, с неохотой снова спустилась, подошла к двери и потянула засов на себя, отрезая одним движением и прохладное утро, и хмурый, под стать дождливому настроению, лес, и завораживающую тишину. Шутки шутками, но ее сильно взволновали вчерашние разговоры о том, что с ними произошло. И лицо Виктора, вернувшегося из леса на поляну. Анна попыталась вспомнить, что он говорил,

но не смогла. Тогда она еще толком не пришла в себя, сознание плыло, и дико болел живот. Но вот лицо... выражение лица врезалось ей в память, как фотография, сделанная на смартфон. В его глазах читалась растерянность. Не ее ли это было отражение?

Анна, сидя на порожке возле открытой двери, смотрела во двор и вполуха слушала разговор. Дождь разошелся не на шутку, земля не успевала впитывать влагу, и на поляне перед домом образовались огромные лужи. Вода пенилась и пузырилась, бежала по тропинке вниз, стремясь соединиться с рекой.

— Нам необходимо вернуться, но проклятый дождь разошелся не на шутку, — сказал Виктор и на секунду задумался, словно пытался подобрать правильные слова. — Если в ближайшее время он не закончится, мы с Алексеем пойдем завтра рано утром.

Анна думала, глядя на зажженную сигарету Виктора, что могла не раз проходить мимо него в супермаркете или ехать в Москву на той же электричке и даже в том же вагоне, но не обратить на него внимания. Очень странно, что мы порой вообще ничего не замечаем вокруг. Вынырнув из своих размышлений, она услышала, как Виктор сказал что-то о завтрашнем дне.

— Что? — переспросила она.

— Говорю, что завтра мы с Лешей пойдем назад и вместе

осмотрим часть леса вокруг автобуса еще раз.

Анна засмеялась, и Виктор бросил на нее быстрый взгляд. *Лишь бы не ударилась в истерику*, подумал он. *Только этого нам не хватало...* Но девушка, несмотря на возраст, была на удивление спокойна. Она ему сразу понравилась, не ныла и не рыдала. Но сейчас смех ее прозвучал неестественно, он даже сказал бы — нервно. Он намеревался оставить ее с малышом здесь, мальчишка до сих пор находился в подавленном состоянии, весь вчерашний день ни на что не реагировал и до сих пор спал. Ее же лодыжка выглядела крайне скверно, опухла и явно причиняла боль. Он поймал взгляд Анны, и она все поняла.

— Вернемся вместе со спасателями и заберем тебя с кроликом. Кстати, его неплохо бы искупать, вода в реке теплая.

— Мы завтра останемся здесь?

— Ты не сможешь идти. Твоей ноге нужен покой, да к тому же нет смысла тащить ребенка с собой, понимаешь?

— Оставьте меня здесь? — повторила она еще раз, как будто до нее сразу не дошел смысл сказанного. Оставьте одну... с ним? — И тут ее прорвало: — Нет, я пойду с вами, черта с два я останусь здесь.

— Послушай, — попытался вразумить девчонку Виктор, — мы вдвоем быстро ходим туда, а к вечеру вернемся с подмогой, обещаю.

Анна упрямо мотнула головой:

— Нет. Вместе пришли, вместе и уйдем.

— А нога? Ты сможешь идти?

— Смогу.

В доказательство своей решимости Анна вскочила и тут же села обратно, вскрикнув от боли. Глаза заслезились от обиды. Она понимала, она все прекрасно понимала. И в то же время ей было обидно и страшно оставаться одной.

— Мы выйдем рано утром, чуть только рассветет, — продолжал Виктор, — постараемся быстро добраться до автобуса и вызовем полицию.

— Да там, скорее всего, уже работают спасатели, — промолвил Алексей. — Жаль, здесь нет сети. Виктор, дай мне свой телефон, пожалуйста, я попробую забраться на крышу и поймать сигнал.

Алексей взял протянутый ему смартфон, поднялся и, накинув капюшон на голову, вышел во двор. Анна угрюмо спросила:

— А если там никого не будет и вы ничего не найдете?

Виктор улыбнулся и посмотрел в глаза девушке.

— Аня, мы же не в фантастическом романе Роберта Хайнлайна, верно?

— Мне показалось... — сказала Анна и вздохнула, — что вчера, когда вы вернулись к нам на поляну, вы выглядели напуганным.

Больше, чем перспектива провести ночь в заброшенной деревне, пусть и под крышей, ее пугала неопределенность. Она видела на лице Виктора растерянность, понимала, что

он что-то не договаривает. Была ли причина в том, что он не хотел ее пугать или же просто сам ничего не понимал? Возможно, оба варианта верны, но легче от этого не становилось. Она снова — в который раз за истекшие сутки — подумала о близких.

— Признаюсь, в тот момент я действительно испугался, но не переживай, пожалуйста. Это все из-за гибели людей. Мне просто показалось, что я видел или слышал там, в лесу, что-то странное.

— Что именно?

Виктор покачал головой и придвинулся к ней поближе.

— Неважно, ты главное успокойся. Мы выберемся из этой передраги, будешь потом рассказывать о своем путешествии друзьям у костра в походе, ну?

Он говорил, обняв девушку за плечи, а сам в этот момент думал о своей жене, которую должен был навестить в больнице. И еще о том, что он видел там, в лесу. То, ради чего на самом деле и собрался идти назад.

Там за деревьями, он видел кое-что, и это не давало ему покоя. Когда он, раскидав ногой перепревшую листву с травой, наткнулся на слой старого асфальта, что-то привлекло его внимание: метрах в пятидесяти от себя он увидел ржавый остов легкового автомобиля, а еще дальше, в чаще леса, воздух как-то странно и неестественно колебался, словно в жаркий день, но только еще сильнее. Он поднялся, даже сделал несколько шагов в ту сторону, но остановился. *Черт, да*

ты оказывается трус, подумал в тот момент Виктор и хотел двинуться дальше, но ноги, казалось, приросли к земле. *Да что же здесь происходит?!*

То, что он увидел, походило на круг диаметром чуть больше метра, но без четких границ. Воздух в этом круге искажался, по ту сторону он видел молодые деревца, и их стволы странным образом плавно покачивались, словно тростинки в воде. Он снова попытался сделать шаг, но не смог. Он слышал, он был уверен, что слышал звуки автомобилей, едущих по дороге.

Ливень закончился, Виктор ушел осматривать покосившийся сарай. Анна посидела какое-то время на крыльце, а затем зашла в дом. Алексей стоял возле окна и молчал, погруженный в свои мысли, держа в руке телефон Виктора. Вдруг его лицо исказила гримаса боли, он зажмурился и покачнулся, оперевшись о бревенчатую стенку.

— Леша? — встревоженно произнесла Анна и шагнула к нему. — Что с тобой?

Он мотнул головой и, не глядя на нее, пробормотал:

— Все нормально, голова слегка закружилась.

Повернулся к Анне и вымученно улыбнулся. На висках у него Анна заметила бисеринки выступившего пота. Он побледнел, лицо его как-то резко осунулось.

— Знаешь, я бы на твоём месте никуда не ходила.

— Отпустим Виктора одного? Ты это предлагаешь?

Анна покачала головой и взглянула на неподвижно сидевшего у окна ребенка. Мальчик проснулся, но продолжал упорно молчать. Анна попросила Виктора сходить за водой на реку, сама она еле передвигалась; лодыжка распухла еще сильнее, она не могла уже наступать на ногу. *И ты собираешься завтра идти вместе с ними к автобусу по тому бурелому?*

— Он напуган, я напугана, — с надрывом произнесла она, хотя собиралась сказать совсем другое. — Вы оба пострадали в аварии. Не лучше ли... — и замолчала, потому что не знала, что в подобной ситуации для них будет лучше. А кто, интересно, знал?

Алексей направился к двери и поманил ее за собой.

— Пойдем на воздух, дождь почти перестал.

Он помог ей спуститься с крыльца и подал костыль, вырезанный для нее Виктором в лесу из толстой ветки. Ужаснувшись своему положению, Анна недовольно скривилась. *Словно старая бабка, черт...* Она поблагодарила Алексея, и они вдвоем медленно по тропинке спустились к реке. Достав сигареты из кармана толстовки, Анна протянула пачку Алексею.

— Спасибо, но я не курю.

Анна пожала плечами, прикурила сигарету и оглянулась.

— Боишься Виктора? — с улыбкой спросил парень, проследив за ее взглядом. — Мне показалось, что вы незнакомы.

Анна с трудом опустилась на песок и с раздражением от-

бросила от себя палку. И где она видела Алексея? Точно встречала раньше, но где? В школе? Нет, не в школе... Потому что она обязательно запомнила бы долговязого мальчишку с такой роскошной шевелюрой. Жак Паганель в молодости. Выглядел он лет на двадцать, не больше. Рядом с ним Анна чувствовала себя гномом. *Интересно, у гномов вообще есть женищины? Толкиен вроде бы ничего такого не писал, но как-то же они должны появляться на свет? Джексон в фильме обратил этот вопрос в шутку. Хорошо, что у меня нет бороды,* размышляла Анна и тут же притормозила. *Так, стоп, тебя опять понесло куда-то не в ту сторону, подружка...*

Увидела, что Алексей с улыбкой наблюдает за ней.

— Что, прости? — она поправила волосы, упавшие на глаза.

— Говорю, разве вы знакомы?

— С кем? С Виктором? Нет, не знакомы. — Она затянулась и добавила: — С чего ты так решил?

Алексей сел рядом, ладонью разгладил песок, и Анну внезапно пробрала дрожь. *Если он примется кидать камешки в воду, я закричу,* подумала она, кого-то вспомнив.

— Тогда что?

— Стесняюсь, неясно? — с раздражением буркнула Анна и тотчас пожалела о своей несдержанности.

Наступило неловкое молчание. Они сидели рядышком под деревьями и смотрели на реку. В густой листве тихо

шелестел мелкий дождь, вода лениво перекатывалась через камни на месте рухнувшего моста. Появились комары, назойливо жужжали возле будущих жертв, но близко не подлетали из-за сигаретного дыма.

— Бред какой-то, да?

— Ага.

— Ни черта не понимаю. Вообще ничего.

Анна последний раз затянулась, выбросила окурок в воду и проследила, как течение подхватило и медленно понесло его прочь. Из травы выплыла серебристая рыбка, обследовала непонятный предмет и исчезла в водорослях.

— Зато Виктор что-то знает, но молчит. Помоги мне, пожалуйста, Леш.

Он встал, стряхнул с брюк прилипший песок и помог ей подняться.

— Спасибо. Ты идешь?

— Я еще тут побуду, умыться хочу.

Анна кивнула и медленно стала подниматься по заросшей тропинке к дому.

Виктор сидел на крыльце, а в траве рядом с домом валялись три большие овальные корзины. Анна уставилась на них, удивленно вскинув брови.

— Куда вы пропали? — первым делом спросил он Анну.

— На речку ходили. А это что такое?

— И оставили мальчишку без присмотра, — буркнул Вик-

тор, пропустив последний вопрос, и посмотрел на Алексея, шедшего следом за Анной. — Выглядишь ты не очень хорошо, друг.

Анна обернулась. Следом за ней, медленно поднимаясь в гору, шел сторбленный Алексей, засунув руки в карманы куртки. Белый как мел, с посиневшими губами, он походил на утопленника, последним штрихом для маскарадного костюма служили мокрые волосы, с которых на одежду стекала вода. Анна испугалась, ей показалось, что парень сейчас упадет в обморок. Буквально минуту назад он выглядел нормально, даже шутил. Алексей подошел к ним и натянуто улыбнулся.

— Кажется, мне стоит прилечь. Голова кружится.

— Может, завтра останешься с Анной? — Виктор внимательно смотрел на него. — До вечера я обернусь, сам управлюсь со всем.

Алексей упрямо мотнул головой.

— Нет, я пойду. Надо просто немного поспать и все пройдет. Таблетки остались?

— Да, остались, — ответила Анна. — Они на столе в моем рюкзаке.

Он кивнул, становился возле корзинок и спросил Виктора:

— Где это ты нашел вёрши?

— Хм, откуда знаешь?

— Дед из Поволжья, — пояснил Алексей. — Я к нему на

лето приезжал, и мы часто ходили на рыбалку. Он сам плел такие вот ловушки из ивовых прутьев и меня учил.

— Понятно. Я их в сарае нашел, на стене висели, представляешь? Я, признаться, лет тридцать таких самодельных ловушек не видел. С друзьями ставили такие на пруду, и потом все лето каждый день на лодке плавали, проверяли... Знатные линии попадались, скажу я тебе. И золотой карась, а...

Алексея вновь качнуло.

— Осторожнее, — Виктор схватил его за рукав куртки и добавил: — Иди-ка ложись, у тебя, скорее всего, сотрясение. Я тоже скоро лягу, завтра вставать рано.

Алексей поднялся на крыльцо и скрылся в дверном проеме. Перед тем, как зайти в дом, Анна обернулась и окинула взглядом узкую заросшую улочку. Ситуация, в которую они невольно попали, казалась ей до ужаса абсурдной.

Они ушли на рассвете в половине пятого. Анна вышла проводить их на крыльцо, достала из кармана пачку «Честер-филда» и закурила. Она смотрела, как мужчины спустились по тропе к реке, затем пропали на минуту и появились уже на другом берегу. Она обернулась, взглянула на спящего на печке под толстовкой мальчика, и сердце ее вновь зашлось от жалости к нему, к одинокому маленькому ребенку. Анна вспомнила слова Виктора и горько усмехнулась.

— Присмотри за ним, — пробормотала она и скривилась

от резкой боли в ноге. — Было бы кому присмотреть за мной.

Она неуклюже поднялась на ноги, держась за перила. Перед тем как зайти в дом, Анна напоследок обернулась, но ни Алексея, ни Виктора уже не было видно. Они ушли.

Возвращайтесь скорее, подумала девушка. И закрыла дверь.

Глава 9

Они не пришли. С наступлением сумерек Анна закрыла ставни и, подойдя к двери, бросила напоследок взгляд в сторону реки, надеясь, что вот сейчас, в эту самую секунду, до того как она отгородится от наступающей ночи дверью и задвинет засов, на том берегу появятся две фигуры, перейдут реку и по тропинке поднимутся к дому. Нерешительно, словно обдумывая, закрывать дверь или нет, девушка несколько мгновений стояла в освещенном огнем из печи проеме, вглядывалась в сгущающиеся сумерки, а затем, с неприятным щемящим чувством, взялась за ручку и толкнула тяжелую, скрипящую навесами дверь. Накинула на петлю крючок, с трудом задвинула засов и села на пол. Взглянула на экран телефона, но скорее по привычке. Они по-прежнему находились вне зоны доступа сети.

Днем ей не давали покоя мысли о маме, она переживала, представляя, что сейчас та чувствует. Она, *должно быть, побледнела и медленно села на стул, когда ей позвонили и сказали, что автобус, на котором я поехала в Москву... Что? Что с ней? Не молчите!.. Она с широко раскрытыми глазами слушала ответ и не могла понять, что ей говорят. Представляла, как шевелятся губы, видела ее застывшее, стянутое тревогой лицо. Она никак не могла понять смысл услышанных только что слов. Как пропал? Разве может*

пропасть целый автобус с пассажирами? Уже ищут? Разве нельзя отследить по камерам? Анна металась по дому, пугая своим поведением ребенка. И не обращала на него внимания, пока наконец сквозь вихрь мыслей не осознала, что он тихо плачет.

— Ты чего? Не плачь, малыш, — она села на корточки рядом с ребенком, взяла его за руку и почувствовала что-то липкое на его пальцах: он продолжал сжимать в кулаке растаявшую конфету. — Я сейчас вернусь, не бойся, ладно?

Она достала из рюкзака упаковку гигиенических салфеток и вытерла ему ручку. Грохоча костылем, вышла на крыльцо и остановилась перевести дух. Что она делает, черт побери? Необходимо взять себя в руки, ее оставили приглядывать за ребенком, которому от силы года три, не больше, а она полдня только и делала, что страдала. Надо же чем-то накормить его, только чем?.. Анна медленно спустилась с шаткого крыльца и отправилась в заросший сад, где вчера видела яблоки. И вскоре вернулась, неся в футболке перед собой, как в подоле платья, несколько зеленых крупных яблок. Перочинным ножом, который забыл взять с собой Виктор, почистила одно, нарезала дольками и положила горкой на стол рядом с ребенком.

— Ты поешь, ладно? Больше нет ничего, я только яблоки нашла. Тебя как зовут? Не скажешь? А дяди скоро вернутся, не переживай, — успокаивала его и себя Анна, тараторя без умолку.

Во второй половине дня она часто выходила на крылечко выкурить сигарету и посмотреть, не возвращаются ли Виктор с Алексеем. С каждым пройденным часом тревога нарастала все больше и больше. *Если они не вернутся, как и обещали, до темноты, им придется провести ночь в заброшенной деревне посреди леса.* Ей стало страшно. Она представляла, что просыпается среди ночи и слышит, как кто-то подходит к дому, поднимается на крыльцо и стучит в дверь. В комнате темно, огонь в печи прогорел, лишь угли слабо мерцают, подернутые тонкой серой пленкой пепла. Она спросит и почувствует, как рядом с ней задрожит ребенок, разбуженный стуком и ее голосом, но ей никто не ответит. Ночь замрет возле дома.

В конце концов, она бухнулась рядом с мальчишкой на скамейку и сгрызла кисло-сладкое яблоко. Оставили ее с ребенком конечно зря, нянька из нее была совсем никудышная. Она даже не догадалась спросить, не хочет ли он сходить в туалет. Мальчик сидел на скамейке у окна, вжавшись в стену, и смотрел то на нее, то на раскрытую настежь дверь. Рядом не было мамы, которая почему-то осталась там, в лесу. Лежала среди зарослей папоротника под огромными елями и крепко спала. Он не помнил в подробностях прошедшие двое суток, да и понимал мало, но одно знал наверняка: мама вернется, она же всегда приходит. И он терпеливо ждал ее, выглядывал в окно, смотрел на дверь, словно брошенный щенок, которого привязали к забору и ушли.

Анна задумчиво смотрела в окно и крутила в руках игрушечный паровозик, который в последнее время не выпускала из рук, и бронза, изначально покрытая патиной, теперь ярко блестела. Мало того, что в этом доме, который и домом-то сложно назвать, нет ни привычного водопровода, ни электричества. Никаких труб, ни проводов на стенах, ведущих к выключателям и патронам на потолке. Разве такое возможно? Виктор вскользь сказал что-то о съемках фильма, но какая разница? Где рваные газеты, старые книги и обертки от шоколадок, где жуткие обои в цветочек на стенах, окурки в консервной банке и забытое зарядное устройство от смартфона? *Вот только этого не надо!* Анне очень хотелось врезать самой себе за подобные мысли. А ночные шорохи... Как будто аварии и двух трупов им мало. Сюрреализм какой-то, фантастический фильм с элементами хоррора. Безумие.

Взглянув на часы, Анна тяжело вздохнула и поднялась с пола, чувствуя себя совершенно разбитой. Дернула дверь, проверяя, надежно ли заперла ее, а затем, помедлив мгновение, разделась, бросила скомканные штаны на скамью, оставшись в одной футболке. Дрова в печке догорели, в доме было жарко, но она все равно закинула в топку несколько досок, потому что не хотела оставаться в темноте.

— Давай укладываться спать. Пить хочешь?

Мальчик нерешительно кивнул. Девушка открутила пробку и налила ему в кружку от термоса воды. К яблокам он так

и не притронулся. Глядя на малыша, жадно пившего теплую речную воду, она вдруг хлопнула себя по лбу и спросила:

— Ну и дура я! Ты в туалет, наверное, хочешь? — Она вздохнула и виновато улыбнулась. — Хорошая у тебя нянька, кролик... а знаешь, я пока буду звать тебя Кроликом, раз не знаю твоего настоящего имени.

И в нерешительности посмотрела на дверь. Открывать ее не хотелось, но делать было нечего, она и сама бы не дотерпела до утра. С замирающим сердцем Анна отперла дверь, выглянула, но, не увидев ничего страшного, осторожно спустилась с крыльца, перенося вес тела на здоровую ногу. Мальчик спустился следом, и тут же возле крыльца она помогла ему снять штанишки. Пока он писал, она оглядывалась и прислушивалась. Ей казалось, что в темноте кто-то прячется и наблюдает за ними, так как они были хорошо видны, освещенные из дверного проема. Но было тихо, обычный деревенский вечер, наполненный стрекотом ночных цикад, поющих песню «мин мин мин» конца лета под сонное бормотание реки, кваканье лягушек и назойливый комариный звон.

— Карауль меня, — улыбнулась она и, заговорщицки подмигнув мальчику, отошла за угол дома.

И впервые увидела на его лице улыбку.

Рука по-прежнему горела огнем, девушка достала из автомобильной аптечки бинт и, промыв порез на ладони, замотала руку. Ей нездоровилось, кожа на болевшей и распух-

шей лодыжке потеряла чувствительность. Анна выпила еще одну таблетку анальгина и скривилась от неприятного вкуса лекарства. Села на пол поближе к огню, поврежденную ногу, как советовал ей Виктор, положила на рюкзак, чтобы уменьшить приток крови. Мальчишка успокоился и уснул, но сон его был чуток; он вздрагивал, двигал ножками, словно убегал от кого-то, один раз чуть слышно застонал и сбросил с себя толстовку.

Анне не спалось. Она ждала возвращения попутчиков, надеялась услышать шаги и знакомые голоса. *Они обязательно вернуться и, скорее всего, не одни.* Девушка, глядя на огонь, представляла, как обрадуется, когда в дом вместе с Виктором и улыбающимся Алексеем зайдут сотрудники МЧС или полиции, и все в тот же момент закончится. Хотя Алексей вряд ли вернется, его тут же отправят в больницу. Анна же расскажет, как ходила в заросший сад за яблоками и как растопила печку. Поблагодарит Виктора и вернет ему перочинный ножик и фонарь, а сотрудник, сидя на скамейке и переговариваясь с кем-то по шипящей рации, скажет... он скажет... Ведь, по сути, она осталась одна, и на ее плечи — пусть временно — легла забота о маленьком ребенке, и она справилась, несмотря на то, что сама еще была ребенком. Толком и готовить-то не умеет, не говоря об остальном. Взглянув на часы, Анна тяжело вздохнула и нехотя призналась самой себе, что ждет напрасно. Время шло, минуты превращались в часы, близилась полночь. А если с ними что-то случилось

там, в лесу?

Анна начала клевать носом, проваливаясь в приятное забвение. Под полом что-то зашуршало, послышался тоненький писк. Мыши? Б-р-р-р... Анну передернуло, мышей она на дух не переносила. Прикрыв железную дверцу топки, она забралась на печку и легла рядом с ребенком. Долго (во всяком случае, ей так казалось) прислушивалась к ночным звукам, к потрескиванию догорающих дров в печи. Вдалеке ухнул филин, ему вторила какая-то другая ночная птица, названия которой Анна не помнила, но звук был довольно жутким. Затем все смолкло, затаилось, даже ночной ветер прилег отдохнуть на верхушки лохматых старых елей. Только кузнечики или цикады продолжали мягко и мелодично переговариваться друг с другом в траве. Сквозь щели ставен в комнату проник мягкий свет взошедшей луны.

Проснулась она внезапно, что-то вырвало ее из сна, какой-то громкий звук. Анну прошиб холодный пот, сердце застучало часто-часто. Она приподнялась, прижав руку к груди, прислушалась. Было тихо, даже цикады и те, казалось, перестали стрекотать. *Наверное, мне приснился кошмар.* Девушка осторожно, чтобы не побеспокоить ребенка, спустилась на пол, на ощупь нашла на столе термос и напилась воды. Разворошила угли, покрывшиеся тонкой серой пленкой, и закрыла заслонку. Затем забралась по приставной лесенке на печку, юркнула к ребенку и провалилась в глубокий сон.

Глава 10

Это происходит прямо сейчас. Пока девушка спит, ее сознание продолжает бодрствовать. Оно блуждает по мрачным закоулкам бесконечного леса, этого древнего лабиринта, пролетая между густыми сплетениями ветвей, словно ночная птица. Бесшумная, стремительная тень, сливающаяся с ночью. Анна ищет людей, которые покинули старый дом рано утром, чтобы попытаться найти дорогу. Там, где стеной растут деревья, видишь?

Тот, что был младше, старался прогнать жуткий образ из своей головы. Он видел кое-что на закате дня, когда покинул место аварии и углубился в лес. Сначала он принял это за обычное ветвистое сухое дерево, но когда отворачивался, дерево шевельнулось. Сумрак заполнял поляну, это вполне могло ему показаться. И он убеждал себя в том, что ему просто привиделось.

Ты видишь их, девочка? Они возвращаются, напуганные и сбитые с толку. Возле лежащего на боку маршрутного автобуса до них побывал кто-то другой. Тот, кто растерзал мертвые тела и разбросал их по всей поляне. И этот некто напал на их след и теперь шел в отдалении, изучая их повадки и размышляя, сможет ли хоть один из них оказать ему достойное сопротивление. И сейчас оно приближается к ним, с шумом проламываясь через густой подлесок. Прекрасно пони-

мая, что бояться нечего и можно больше не играть с добычей, не скрывать свое присутствие. Оно долго наблюдает за ними, заходит то слева, то справа, вначале абсолютно бесшумно, а когда ему надоедает, пугает, ломая сухие ветки. Будущие жертвы слышат его, шепот тонет в молчаливом лесу, им страшно, они пропитаны потом и страхом. Тихий, протяжный свист раздается чуть в стороне, затем, спустя минуту, впереди, потом сзади. Существо из кошмарного сна передвигается с невероятной скоростью. Люди включают фонарик на телефоне, тусклый свет рассеивает темноту, выхватывает спящие деревья, тени бросаются прочь в стороны, прячась за стволами и кустарником. Они стараются разглядеть и понять, кто с ними играет, но время игр закончилось, следует поспешить, потому что они собираются разложить костер.

Тот, что старше, отошел в сторону. Он озирается, поспешно подбирает с земли дрова, но замирает, видя приближающуюся тьму, хочет защититься, роняет собранный валежник и инстинктивно закрывается руками, выставив их перед собой, но тьма поглощает человека, даже его крик затихает, оборвавшись на высокой ноте. Оно настолько быстрое и сильное, что может пожрать даже звуки. Лес вокруг неподвижен, не слышно ни одной ночной птицы, только булькающие звуки бьющегося в агонии умирающего человека. В раскрытый от ужаса рот заливается темнота вместе с кровавыми сгустками. Человек силится выплюнуть их, прочистить горло, не понимая, что у него уже нет горла, лишь рваная

рана, оставленная когтями невидимого существа. Словно заостренные сучки, покрытые темной корой, они с легкостью проникают внутрь, чтобы остановить и достать сердце, бьющееся о грудную клетку так сильно и быстро, как никогда прежде. Затем тьма поглощает разум, и для него все заканчивается.

Второй в это время бежит. Он молод, но ранен, далеко не уйдет, пусть напугается как следует страхом. Не разбирая дороги, он мчится сквозь заросли, спотыкается, падает, но продолжает бежать, словно надеясь на что-то. На что? Спасись от самой ночи? Не выйдет, она догонит его, тьма скрывает в себе нечто такое, что не приснится и в самых страшных кошмарах. Руки бегущего человека покрыты свежими ссадинами, трясутся, ноги подгибаются, он боится. Он слышал истошный крик и предсмертные хрипы товарища, но не видел, кто на него напал. А ему необходимо увидеть, прежде чем все закончится и наступит утро. И он увидит.

Ветки больно хлещут его по лицу, левый глаз совсем закрыт, он слезится и болит, но бегущий человек этого словно не замечает. Рана на голове вновь кровоточит, он с размаху ударяется о ствол дерева, но инстинкты продолжают гнать его вперед, кричат, визжат, дыхания уже не хватает, грудь болит при каждом вздохе, но человек бежит.

Когда он в очередной раз падает, споткнувшись о торчащий из земли корень, и скатывается в глубокий овраг, начинает смеяться, понимая, что сил у него больше нет. Выпле-

вываает вместе с кровавой слюной сухие листья, переворачивается на спину и смотрит вверх, туда, где должно находиться небо. Слабый ветерок холодит его потное горящее лицо, он шумно дышит. Совсем близко — всего в паре метров — раздается тихое шипение, и кто-то голосом умершего товарища произносит его имя.

— Алексей...

Часть темного леса приходит в движение и забирает кричащего человека с собой.

Начинает идти дождь, воздух постепенно сереет, становятся видны очертания деревьев. Где-то в паре километров от места, где валяются окровавленные лохмотья одежды, в хижине спят девушка и мальчик. Сон ее беспокоен, она крепко прижимает к себе во сне ребенка. Ей снятся звуки. Снятся треск сучьев, топот ног, крики и чей-то свист. Ее словно выдергивает из сна чья-то невидимая рука, она захлебывается воздухом, садится и первые мгновения не может понять, где она находится и почему ей страшно — так резко было пробуждение. В ушах стоит отголосок криков из сна, но они постепенно затихают, как эхо в горной долине.

Глава 11

На рассвете она очнулась от собственного крика, ей казалось, что она не только продолжает слышать ужасные вопли, но и чувствует запах крови, как тогда, в день аварии на поляне. Анна стояла посреди комнаты и слушала, низко опустив голову. Спутанные после сна волосы торчали в разные стороны, она натягивала спортивные штаны, стараясь унять дрожь в руках. И чуть не грохнулась на пол, запутавшись ногой в штанине.

— Да чтоб тебя!.. — в сердцах воскликнула она и тут же осеклась.

Стоп, не паниковать, это просто сон, самый обыкновенный кошмар... Из-за того, что ты дышишь, как кобыла, ничего не слышно. Успокойся, Полякова, перестань пыхтеть. Первый раз тебе кошмары снятся? Помнишь, что тебе приснилось после прочтения «Милых костей»? Напомнить? Тот же... Анна фыркнула и сдула прядь волос, лезшую в глаза, но та не желала возвращаться на место. Дунула еще раз — опять безрезультатно. Подумала, что надо найти резинку, она вроде бы оставила ее на столе, но потом, ладно, черт с ней. Допрыгала до двери на одной ноге, прильнула ухом к прохладной древесине и задержала дыхание.

Слушай, прислушивайся. Слышишь?

Но она ничего не услышала и, помедлив секунду, реши-

лась. Прикурив сигарету, она отодвинула засов, сняла крючок с петли и потянула на себя дверь. Поморщилась от резкого скрипа, оглянулась — не разбудила ли ребенка? — и выглянула на улицу.

Рассвет принес с собой прохладу. Девушка осторожно спустилась по ступенькам, перенося вес тела на здоровую ногу, осмотрелась, но ничего подозрительного не заметила. Впитавшая в себя чистую свежесть раннего утра и ночную бархатную тишину, блестела на траве нетронутая роса. Анна прошла по ней, замочив до колен голые ноги. С пригорка виднелась излучина реки с останками моста и рухнувшими в воду стволами деревьев, о которые, пенясь, спотыкалась река. Девушка замедлила шаг, готовая остановиться в любую секунду и броситься назад, если вдруг услышит или заметит что-то подозрительное, но все было тихо. Хромая, она осторожно обошла глубокую лужу и по песчаной тропе спустилась к реке, отводя руками от лица низко наклонившиеся ветви молодого ивняка. Сквозь разрывы в облаках прорезалось утреннее солнце, и намокшие, отяжелевшие от росы деревья преобразились, ярко заблестели зеленою листвью.

Остановившись на берегу, Анна огляделась. От выкуренной натошак сигареты у нее во рту появился неприятный привкус. С горечью подумав о чашке горячего кофе, она обхватила себя руками, пытаясь таким образом согреться. Неподалеку в зарослях раздалось чмоканье и гулкий всплеск, с отмели на глубину ушла большая рыба.

В этот момент Анну можно было принять за призрак: худенькая фигурка в белой футболке неподвижно стояла на песке, бледное лицо с темными кругами под глазами было обращено к лесу. Взошедшее солнце позолотило сонные деревья, потревоженная легким ветром река заискрилась, Анна зевнула, зябко поежилась, переступая босыми ногами по холодному, мокрому песку. Противоположный берег был пуст. Сколько она ни всматривалась, заметить хотя бы малейшее движение ей не удалось. Маленькая птичка вспорхнула с ветки березы и бесшумно скрылась в зарослях. Тишина раннего утра резко контрастировала с приснившимся девушке кошмаром. Она перебрала в голове образы, успевшие поблекнуть после пробуждения, и тем самым лишь усилила тревогу. В окружающем ее пространстве чего-то не хватало. Не только звуков, но и красок, словно она находилась не в реальности, а в чем-то давнем воспоминании или художественном фильме 60-х годов.

Если крики ей не приснились, что было само по себе довольно жутко, а вплелись в ее сновидения, как порой вклинивается в сон мяуканье кошки или звонок будильника, то где они? Где Виктор и Алексей? Вероятно, ей все же это приснилось. Анна поежилась, от воды тянуло холодом. Вернувшись в дом, она снова заперла дверь и легла рядом с мальчишкой, хотя спать ей совершенно не хотелось. И как это обычно бывает, сама не заметила, как вновь провалилась в глубокий сон.

День второй начался с томительного ожидания. Анна не находила себе места, слонялась по дому, несколько раз спускалась к реке и лишь ближе к обеду спохватилась, что опять забыла покормить ребенка. У самой, к слову, противно тянуло живот, явно намекая, что неплохо бы подкрепиться. Мысленно обзывая себя всякими нехорошими словами, Анна отправилась на огород в поисках еды, самоотверженно сражаясь с высокой жгучей крапивой. Кроме яблок и совсем уж мелких несъедобных груш, Полякова наткнулась в густой траве на большую тыкву, о которой вскользь упоминал Виктор, и к которой — судя по размерам — по умолчанию должны были прилагаться хвостатые кучера. Утащить ее девушке оказалось не по силам, она вернулась в дом, высыпала собранные яблоки на стол, взяла перочинный нож, спички и одну сигарету из пачки. Закурив, девушка села на ступеньку крыльца и задумалась. Во-первых, тыкву можно нарезать кусками и перенести в дом. Во-вторых, в печи есть старый чугунок, в котором, если отмыть его как следует на речке, можно сварить какое-то подобие каши. Анна помнила вкусную рисовую молочную кашу с тыквой, которую варила ее мама. Сейчас бы она с удовольствием съела пару тарелок горячей каши с большим куском хлеба с маслом...

— Дура ты, Полякова, — закрыв глаза, произнесла девушка. — Ничему тебя жизнь не учит, ничему.

Сигареты хотя бы успокаивали и притупляли чувство голода. Анна вздохнула и с сигаретой в зубах полезла в зарос-

ли. Придется сегодня им довольствоваться вареной тыквой и яблоками, другого все равно ничего нет.

С печкой возникли проблемы, огонь разгорался, но медленно, словно нехотя. Девушка растопила ее с четвертой попытки, умудрилась не обжечься, но измазалась сажей. Пока вода закипала, она вышла на улицу и еще раз внимательно осмотрела толстые доски входной двери, обошла дом, но, кроме примятой ими же накануне травы, ничего не обнаружила. Она вспомнила, что ей приснилось еще кое-что незадолго до рассвета — стук в дверь. Кто-то приходил и ломился в дом. А на самом ли деле ей это приснилось? Теряясь в догадках, Анна вернулась в дом и открыла ставни, попутно отметив про себя, что Виктор оказался прав: запоры на них чересчур уж крепкие. *В самый раз против ночных незваных гостей*, подумала она и решила, что ей необходимо составить список правил поведения, пока Алексей с Виктором не приведут помощь. Осторожность еще никому не мешала, надо строго соблюдать простые правила. Первое — это запирать дверь и ставни. Те, кто жили в деревне, не зря сделали крепкие запоры. Вполне возможно, что ими руководил элементарный здравый смысл: живешь возле леса, в лесу водятся дикие звери. Но что-то подсказывало Анне, что запоры на окнах и дверях прежние жильцы повесили не только для защиты от медведей или рыси. Мало ли кто может ошиваться у реки в поздний час... *Водятся ли тут рыси? Черт их знает.* Она не помнила, знала наверняка, что в ближнем Под-

московье, кроме ежей и белок, в лесу никого не встретить. Второе правило — запирать с наступлением ночи дверь. Как только солнце прячется за верхушками деревьев, им следует немедленно заходить в дом и разводить огонь в печи. Не потому, что холодно — конец августа в этом году выдался на удивление жарким, — а исключительно из-за страха остаться в темноте.

Ярко светило солнце, в чистом, прозрачном воздухе настоялась звонь, легкая и невидимая. В доме, несмотря на раскрытые настежь окна и дверь, нечем было дышать, и Анне нестерпимо захотелось искупаться. В конце концов, она решилась и, взяв с собой мальчика, спустилась по тропинке к реке, продолжая опираться на самодельный костыль. Опухоль после ночи немного спала, но нога все равно продолжала болеть.

Освежившись, они вернулись в дом. Анна усадила малыша за стол и попыталась причесать, но непослушные волосы не желали укладываться, в итоге Анна плюнула и оставила как есть. Быстро переоделась в свою высохшую одежду, остатками бинта перевязала ладонь и проверила готовность тыквы, потыкав в нее ножом.

— Давай обедать, — Анна сняла с печи и поставила на стол чугунок с отбитыми краями и принюхалась. Пахло обалденно, у нее заурчал живот от аромата горячей пищи. — Когда они вернутся, мы их тоже накормим, правда? Как же

тебя зовут? Раз ты молчишь, я тебя буду называть Кроликом.

Мальчишка молчал. За утро он несколько раз подходил и выглядывал в окошко, и Анна в который раз попыталась представить, что чувствует этот малыш. Ждал, что вернется мама? Ну разумеется. Она бы забрала его с собой на прогулку, а вечером в квартире после вкусного ужина они легли бы спать на продавленный диван, в котором хранились подшивки старых журналов и газет. Этот образ пришел Анне в голову, потому что у ее бабушки и дедушки в диване хранились подшивки советского «Крокодила». Она любила рассматривать картинки в журналах и в книге Херлуфа Бидструпа, особенно когда на улице шел дождь. Бабушка на кухне жарила пирожки с картошкой, дед мастерил блесны и слушал радиоспектакль... Анна вздохнула и сглотнула слюну. Она буквально вернулась в прошлое и почувствовала аромат готовящейся еды.

Мальчик поглядывал на задумчивое лицо девушки. Казалось, она смотрела прямо на него, но взгляд ее был странным и пугающим. Она отсутствовала, на скамье, привалившись спиной к потемневшим от времени бревнам, сидела живая кукла, которая дышала и моргала. Ему очень хотелось есть, мальчик, с опаской поглядывая на застывшую странную девушку, нерешительно потянулся к чугунку, и тут она очнулась, достала из кармана телефон и разблокировала его.

— Связи нет, а батарейка скоро сядет, — тихо пробормотала она и посмотрела на мальчишку. — Они вернуться,

правда ведь?.. А пока давай поедим.

Сваренную тыкву они съели до последнего кусочка. Еще никогда еда не казалась девушке такой вкусной. Мальчишка торопился, обжигался, Анна уговаривала его не спешить, повторяла, что сварит еще, если он не наестся, подкладывала ему в найденную под скамейкой возле печи деревянную чашку добавку. Итогом обильного ужина для мальчика стало расстройство желудка, до самого вечера Анна только и делала, что бегала с ним во двор в кусты.

С наступлением сумерек он уснул. Анна — голодная и мрачная — вышла и села на крылечко. Второй день они питались исключительно яблоками и тыквой, став поневоле строгими веганами. Надо было что-то делать, но паника мешала здраво рассуждать. Анна закурила очередную сигарету, табак пусть и ненадолго, но заглушал ноющую пустоту в желудке и отгонял назойливых комаров.

Закрывая дверь, она с тоской глянула в сторону реки уже без особой надежды. Мужчины так и не вернулись. Хмурое (под стать настроению Анны) небо обещало дождь, поднялся ветер, тревожно зашумел лес. За второй день самостоятельной жизни в заброшенной деревне она заработала несколько мозолей и вогнала в пятку большущую занозу. Забравшись на печку, она внезапно для самой себя твердо решила, что как только нога перестанет болеть, она вместе с Кроликом отправится обратно к автобусу и сама выберется к людям. Засыпая, Анна поплакала, а потом, словно ребенок, с высох-

шей солью на щеках, крепко уснула, спрятав руки между бедер, как всегда делала в детстве.

Ее разбудил тихий стук в дверь. Анна с минуту лежала и прислушивалась, гадая, не приснилось ли ей это опять, и чувствуя, как учащается сердцебиение. Та-дам, тааа-дам, та-дам, тааа-дам... Показалось, или в дверь действительно стучали? Может, она еще спит? Анна, стараясь не шуметь, села. За дверью раздался тихий шорох, как если бы там возилось какое-то небольшое животное или птица. Точно как в том рассказе, где ребята ночевали одни в летнем лагере, а посреди ночи кто-то стучал в дверь и по крыше. Они боялись, представляли, что к ним ломятся бандиты или черти, а поутру выяснилось: вороны клевали ягоды рябины на крыльце. Только вот рябины здесь рядом с домом не росли, а за прошедшие двое суток она не видела ни одной птицы, кроме какой-то мелкой пичужки. Что странно, очень странно. И еще Анна помнила скрытый подтекст рассказа, о котором в детстве никогда не задумывалась, а именно то, что птицы ночью не летают и не кормятся. Они слепы и ничего не видят. Ночью прекрасно видят лишь хищники. Вполне возможно, автор просто ошибся. Или нет. Она поежилась, в доме резко опустилась температура. В голову полезли всякие нехорошие мысли. *Вот только этого не надо, а? И так жутко, еще не хватало вспоминать всякую чертовщину, как те мальчишки из рассказа.*

Она осторожно спустилась на пол и на цыпочках, поджигая пальцы на ногах и хромая, бесшумно направилась к двери, называя себя дурой и успокаивая одновременно. Просто звуки старого деревянного дома. Бревна рассыхаются, подгнивают, проседает фундамент. Так всегда говорил дед, когда вечером маленькая Аня слышала скрип и прибежала к нему, дрожа от испуга. Привидение? Нет, Аня, просто дом очень старый, вот и все.

По доскам медленно расползлся холод, как бывает зимой, когда открывается входная дверь, и вместе с морозом в дом заползают клубы белого пара. Вновь раздался тихий стук, Анна приложила руку к губам. Стоя посреди комнаты в одной футболке, она молчала и слушала. За дверью определенно кто-то стоял и был крупнее собаки или кошки. Ноги леденели, словно она ступила на лед.

Скрипнули доски. Кто-то осторожно, нерешительно даже, подумалось ей, переступал с ноги на ногу. Вот он затих, прислушиваясь к тому, что происходило в доме. Кто же это? Анне хотелось закричать, но она, собрав всю волю в кулак, сдержалась. Лишь дыхание участилось, а вместе с ним и пульс помчался вскачь. Тот, кто явился посреди ночи к дому, замер у двери. Анна закрыла рот ладонью, боясь, что не выдержит и закричит, напугает ребенка, и тот начнет громко плакать. И кто бы ни стоял там, за дверью, поймет, что в доме кто-то есть. А может, ночной гость и так знает?

Тот, кто пришел к дому посреди ночи, молча стоял на

крыльце. Он прислушивался? Анна замерла и перестала дышать. *Не плод ли это моего воображения? Может, стук мне приснился, так бывает.* Она старалась успокоить себя, но чувствовала, что что-то не так. Неправильно. Она могла поклясться, что слышала скрип старых ступеней крыльца. Какой-то зверь? Анна осторожно приблизилась к двери, не сводя взгляда с запора и гадая, выдержит ли он, если в дом начнут ломиться. Кто-то соскользнул с крыльца, когда она прильнула ухом к двери. Там кто-то был, ей не приснилось... Яркая вспышка осветила комнату и почти в ту же секунду над домом раздался такой оглушительный раскат грома, что Анна от неожиданности и испуга присела.

— Ой, мамочки! — приглушенно вскрикнула девушка и заморгала ослепшими глазами.

Во весь голос заплакал малыш и позвал маму, в дверь снова постучали. Эхо расколовшегося неба еще висело в воздухе, когда первые редкие капли застучали по крыше дома.

Вдруг ее озарила догадка: Виктор, он ранен, он обессилен, поэтому молчит. Надо немедленно открыть и впустить его в дом... и тут же одернула себя. Странно, что она подумала лишь о Викторе. Шорох слышался возле окон, выходящих на реку. Некто, стоявший у двери, бесшумно спустился с крыльца и переместился к окну. Раздалось тихое фырканье. Зверь. Но разве звери могут стучать в дверь? Как она себе это представляет? Анна, боясь упасть, вытянула руку и коснулась бревен. На печке продолжал плакать ребенок,

девушка обернулась. Глаза привыкли к полумраку, и Анна различила его силуэт. Кролик выглянул из-за занавески, волосы его торчали в разные стороны и делали его похожим на маленького чертика. В другой ситуации она бы прыснула от смеха — так комично он выглядел, — но только не сейчас. Ночной гость, казалось, выжидал, словно пытался понять, кто находится в доме. Анна выдохнула облачко пара (температура упала, ее трясло от холода) и шагнула к закрытому окну, но тут же отпрыгнула назад. Тот, кто стоял по ту сторону, услышал ее и начал скрести деревянные ставни. Затем уже явственно различимый звук шагов переместился к другому окну, пропал, чтобы возникнуть у двери. Анна едва сдерживала себя, чтобы не крикнуть туда, во тьму, не бросить в пустоту ночи вопрос, повисший в воздухе.

Кто там?! Что вам надо?

Воздух заволновался вместе с притихшими в темном доме детьми. Анна медленно поднялась и пошла назад, пятясь от двери и от того, кто находился с той стороны, будто боялась развернуться и оказаться спиной к незнакомцу. Забралась наверх, и мальчишка тут же бросился к ней на колени. Анна ойкнула от неожиданности, ребенок обхватил ее ручками и прижался к груди.

— Сиди тихо, как мышка, — прошептала она ребенку на ухо и приложила палец к губам. — Ш-ш-ш...

Угрюмо, тяжело шелестела листва дуба, сбрасывая с себя капли дождя. Ветер пронесся над домом, набросился на

орешник, сонный и взъерошенный, на кусты ивы возле реки, пригнул их к земле, да полетел дальше, в сторону леса. Кажалось, будто сама природа глубоко вздохнула, ожидая конца этой недоброй ночи. Шелест шагов по густой траве переместился вдоль дома, человек или зверь миновал крыльцо, а затем все стихло. *Ушел*, подумала Анна и с облегчением вздохнула.

В доме по соседству что-то с грохотом упало и разбилось. Она услышала гулкий звук шагов по доскам, раздался треск дерева и скрежет металла. Посреди ночи в заброшенной деревне эти звуки не просто пугали — приводили в ужас. Анна похолодела от внезапно посетившей ее мысли: *он ищет там инструменты, хочет взломать дверь*. Они сидели — два ребенка — прижавшись друг к другу в темноте на печке. Дождь усиливался, в небесах глухо рокотал гром.

Скрип ступеньки, шорох возле входной двери дали понять, что ночной гость вернулся и затаился. Она представила себе, как он, кем бы он ни был, замер в ожидании, притаившись у двери словно тень, неподвижная, но таящая в себе угрозу. В голове Анны вихрем проносились мысли, ее бросало то в жар, то в холод. Ребенок не спал, он тоже внимательно слушал. Ему было не впервой вот так сидеть в темноте и вздрагивать каждый раз, когда в дверь ломился монстр. Злой человек, который обижал маму, если та впускала его в дом. Он тоже всегда появлялся с наступлением темноты и ночью же уходил. Привычный режим сбивался, мама дол-

го плакала и забывала испугать его перед сном и не читала сказки. Ее взгляд вызывал беспокойство, равно как и движения. Она менялась, как менялась сейчас и эта девушка, сжимавшая его в объятиях. Мальчик не осознавал, что чувствовал ее страх.

Угрожающе затрещала дверь, на нее с силой давили, проверяя на прочность. Этот звук напугал Анну так сильно, что она вскрикнула и отодвинулась к стене. Секунда, другая — тишина все еще наполнилась треском старых досок, — а затем до девушки долетел иной звук, и от него Анне сделалось дурно, она почувствовала во рту вкус горечи и онемение, сознание поплыло, и она успела подумать, что сейчас упадет в обморок. Перед глазами от напряжения поплыли разноцветные круги, она часто-часто заморгала и почувствовала, как что-то горячее потекло по ее ногам — ребенок описался.

Это не реально, это просто дурной сон. Наутро мы проснемся и поймем, что ничего этого на самом деле не происходило.

Анна застыла, ей хотелось сжаться в комочек и спрятаться, закрыть уши, забиться в самый дальний угол и накрыться одеялом с головой, лишь бы не слышать этот звук. От ночного гостя даже сквозь запертую крепкую дверь исходило ощущение угрозы. Вместе с этим ощущением в дом проник неприятный запах сырого леса и гниющей листвы.

За дверью кто-то тихо смеялся. Затем незнакомец замолчал, спустился с крыльца, звуки шагов становились тише, по-

ка не пропали вовсе. Очередная вспышка молнии проникла сквозь щели запертых ставен, изрезав комнату яркими полосами, грянул гром, и все потонуло в шуме ливня, обрушившегося на деревню.

Глава 12

Дорога, сильный ливень. Настолько сильный, что дворники не справляются, вода потоком стекает по окнам, кто-то поднимается со своего места и закрывает форточку, потому что на заднее сиденье летят брызги. В моторе постоянно что-то скрипит и фыркает во время переключения передачи, водитель бормочет проклятия и сбавляет скорость. Крупные капли бьют по стеклу, дорога на глазах превращается в бурлящую реку. Небо угрожающе нависает над ними, темнеет, сливается со стеной леса, и Анне кажется, что оно исчезает, будто ливень смывает его на землю. Слышится какой-то гул, Анна принимает этот звук за работу мотора, но сразу же понимает, что ошиблась. Звук усиливается, сталкивается с едущим автобусом, и внезапно все застывает на какой-то бесконечно долгий миг... Анна чувствует, что проваливается в небытие, перед глазами, учащаясь, бегают черные мушки, все хуже, тошнота... а затем сильный удар, боль и крик. Боль и папоротник перед глазами.

Это нереально, твердила она себе, подходя к двери, ей просто приснился очередной кошмар, навеянный произошедшими накануне событиями. Нетвердой рукой Анна отодвинула металлический запор, отбросила крючок и потянула дверь на себя, впуская в дом свежий утренний воздух,

наполненный солнечным светом. Дверь протяжно заскрипела, и увиденное, вкупе с неприятным звуком, заставило ее вздрогнуть. На старой древесине отчетливо виднелись глубокие свежие царапины. Девушка замерла, прижав руку к груди и пытаясь совладать с накатившей на нее волной паники. Ей не приснилось, кто-то действительно приходил ночью к дому из леса. Анна села на корточки, перенеся тяжесть тела на здоровую ногу, и внимательно осмотрела следы когтей. Приложила руку, растопырила пальцы, провела по глубоким свежим царапинам.

— Чертовщина какая-то, — тихо пробормотала она и бросила взгляд в сторону реки.

Пытаясь понять, реально ли все то, что она видит, Анна крепко зажмурилась, сосчитала до десяти и открыла глаза. Залитая солнечным светом густая трава на поляне, последние желтые одуванчики, похожие на крошечных цыплят, разбежавшихся от матери-несушки, никуда не делись. Еле заметно покачивались ветви дуба, нависавшего огромным зонтом над крышей дома. Созревшие коричневые желуди шлепались на доски, покрытые мхом, и скатывались на землю. Кроме шума листвы и собственного дыхания, Анна ничего больше не слышала.

Из-за нервного перенапряжения вернулась боль в животе. Анна зашла в дом, достала из рюкзака таблетки и проглотила сразу две, запив большим количеством речной воды, слегка отдававшей тиной, но в ее положении не до вы-

крутасов. Мальчишка крепко спал, Анна вышла обратно на крыльцо, открыла новую пачку сигарет, достала одну и закурила, дожидаясь пробуждения ребенка. Задумчиво глядя на тропинку, по которой они пришли в деревню, она вдруг задалась вопросом: а почему бы им не пойти сейчас? Не сидеть тут, дожидаясь возвращения мужчин, а пойти им навстречу? Необходимо немедленно убираться отсюда, ей не нравилась эта деревня и она не горела желанием провести здесь еще одну ночь.

Она задрала штанину и осмотрела лодыжку. Обрадовалась, заметив, что опухоль немного спала. Смахнула густую челку, лезшую на глаза, поднялась и, хромя, спустилась с крылечка, опираясь на расшатанные перила. И пошла по дороге, намеренно давя на поврежденную ногу, но уже через пару метров почувствовала нестерпимую боль. С губ сорвался стон, Анна остановилась, приподнимая трясущуюся ногу и глядя на опушку леса. Развернулась и медленно захромала обратно. Злясь на себя, на свою неосторожность, на мужчин, которые не остались с ними, а ушли. *Черт, черт... неужели нам придется сидеть тут до тех пор, пока за нами не придут? Мои попутчики или спасатели. Возможно, в эту самую минуту Виктор уже разговаривает с водителем автомобиля, который они остановили с Лешей, выбравшись на дорогу. Позвонили и дождутся приезда спасателей.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.